

Карл Кениг (Karl Konig, 1902, Австрия - 1966, Германия) - австрийский врач, антропософ, последователь Рудольфа Штайнера.

Карл Кениг единственный сын еврейского сапожника. Он изучал медицину в Венском университете, который окончил в 1927 году, особый интерес проявил к эмбриологии. Получив диплом, он встретился с доктором Итой Вегман, возглавлявшей медицинскую секцию Высшей Школы Духовной Науки и первую клинику в Швейцарии. Она привлекла его к работе в своем институте для людей с особыми потребностями в Арлесхайм (Швейцария).

После его работы в Арлесхайме Кениг был назначен педиатром в институт в Стшегом (Польша), где он работал до 1936 года. В 1938 он был вынужден бежать из Вены в Абердин (Шотландия), из-за вторжения Гитлера в Австрию.

В 1940 году Карлом Кёнигом была основана Первая кэмпхиллская школа для детей, нуждающихся в специальном уходе. С этого времени возникло движение Кэмпхилл, которое сейчас представляет собой международную сеть терапевтических сообществ, включающих школы для детей с психическими и эмоциональными проблемами, училища интернатного типа для молодежи и деревни для взрослых. Кёниг исходил из того, что жизнь вместе с «инвалидизированными» людьми окажется для «нормальных» в чем-то полезной. В его представлении «три большими ошибками» современности являются агностицизм, дарвиновское понятие «естественного отбора» и психологическая теория измеряемого интеллекта. Школы Кэмпхилл ставят целью воспитание детей в соответствии с их потенциальными возможностями.

В 1964 году переехал в Германию, и поселился около Юберлингена, на берегу озера Констанц, где он создал сообщество. Там он и умер 1966 году.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о том, какое значение имеет «последовательность» рождения для характера и поведения отдельного человека уже давно не нов. Были проделаны различные опыты для того, чтобы найти ответ на этот вопрос.

В поисках решения шли по ложному пути, думая при этом о различии в интеллигентности, инициативе, в эмоциональном поведении и подобных индивидуальных особенностях. Но, ...исходя из многочисленных наблюдений, становится яснее, что все названные выше качества относятся исключительно к индивидуальности ребенка.

Частично они определены наследственностью, а частично опытом, который получает каждый ребенок еще до своего рождения...

Сопоставив же социальные возможности и способность к контактированию детей, родившихся первыми, вторыми и т.д. обнаруживаются очевидные различия...

Вот, например, результаты исследования, проведенного в Лондоне. Исследовательница, которая систематизировала эти наблюдения пишет: «Выпускники школ, родившиеся в семье первыми, в основном, чаще продолжают образование значительно дольше, чем это делают родившиеся в семье последними...»

«Создается впечатление, что поздние дети, как правило, извлекают меньше выгод из предоставленных возможностей и условий, чем родившиеся в семье первыми»

«Дети, рожденные последними, ...меньше уверены в себе, проявляют меньше инициативы для того, чтобы лучше проявить свои способности и извлечь при этом наибольшую пользу»...

Дети, рожденными в семье первыми – целеустремленнее, целостнее и более ориентированы в своем поведении, чем младшие братья и сестры; последние принимают жизнь легче, в то время как первые идут к успеху и не боятся испытаний.

Американский психолог Маргарет Лотас...: «Самый старший ребенок ориентирован на взрослых. Он серьезнее, чувствительнее (т.е. легкоранимый и не д.б. наказан). Он добросовестный и послушный. Он охотно читает, любит заниматься делами вместе со взрослыми. Он или маменькин сынок, робкий, а часто и боязливый; или это – очень уверенный в себе человек, независимый и спокойный ребенок... В первом случае ребенку необходима близость взрослых; их руководство и сопровождение. В другом - ребенок имитирует взрослых и является их отражением.»(1956г.)

Второй ребенок, напротив, не так избалован вниманием взрослых. В этом случае, он сильнее, чем ребенок, родившийся первым. Он или спокойный, послушный, приветливый, ласковый, радостный, веселый и легко управляемый, ему не требуется никаких усилий, чтобы понравится взрослым. Или он может быть упрямым, жестоким и независимым, способным выносить большое число наказаний, признавая их справедливость. Что объединяет оба типа этих детей, рожденных вторыми, так это их относительное равнодушие ко всякого рода наказаниям и их относительная независимость от мира взрослых....

...Не ум, не духовные способности и объем и многообразие чувств различает детей, но отношение к миру взрослых имеет первостепенное значение. В социальном контакте проявляются различия, которые потом вторично влияют на образование и раскрытие характера.

...Место в ряду братьев и сестер является решающим для поведения человека внутри сообщества. Оно коренным образом влияет на то, как человек реагирует на других людей, оно определяет его способность дружить, быть товарищем своим окружающим, вступать в сообщество или нет. Оно также существенно влияет на выбор супруга или супруги... Разумеется, манера поведения не всегда ясна и однозначна, т.к. **все братья и сестры должны восприниматься как одно целое, и только при таком подходе вскрываются характерные разносторонние черты детей, рожденных и первыми, и вторыми, и третьими.** Братья и сестры дополняют друг друга и вместе образуют высшее единство. Только общность семьи создает целостность, в которой отдельный человек выполняет только ему предназначенную роль, но решающим является различие между теми, кто стоит на первом, втором и третьем месте в порядке рождения. Рождение четвертого, 5-го, 6-го повторяют первых трех братьев и сестер, а последующие дети тоже являются автоматическими вариациями трех основных мелодий.

Если вдруг один из детей выпадает из этого ряда по причине смерти или тяжелого хронического заболевания, то вся цепочка как бы перемещается, заполняя пустующее место, а вынужденная смена привычных мест ведет в большинстве случаев к повышенному духовному напряжению у каждого из членов цепочки. Если, к примеру, умирает старший брат, его место занимает рожденный вторым и вступает в трудный внутренний конфликт, т.к. душевно он должен что-то изменить в своем социальном поведении, что до сих пор соответствовало его внутреннему устройству....

Углубление в эту тему открывает совершенно новые страницы к пониманию поведения человека. То, о чем говорится в этой книге, - лишь начало и ни в коей мере не претендует на полноту освещения темы. Но дверь приоткрыта, дверь, о наличии которой и не догадывались. Если принимают ее всерьез и пытаются добыть ключ, чтобы открыть эту дверь, то, открыв, узнают, что ведет она в три зала: зал первого, зал второго и зал третьего ребенка. В этих трех помещениях находятся многообразные знаки и символы, которые сопровождают ребенка с самой колыбели. Ребенок, родившийся первым, ведет себя не так, как второй и совсем не так, как третий. Потому что первый — это человек, связанный с традициями, хочет он того или нет, соответствует это его темпераменту и образу жизни или нет, к этому он призван и вedom судьбой, — быть защитником, хранителем и покровителем.

Второй является в самом себе покоящимся; свободный, ничем не связанный и неуловимый. Вся Земля его собственность. Но не для владения, а для удовольствия. Не для дела, а для блаженного наслаждения.

Третий — странный и чужой. Второй охотно возвращается домой, но только не третий. Он собственник самого себя, замкнутый в себе, стремящийся к недостижимым целям. Среди них бывают великие полководцы и Папы. Иоанн XXIII,

например, был девятым, считай, третьим ребенком; фельдмаршал Монтгомери, политизированный и своевольный полководец, тоже был третьим ребенком.

Знание этой взаимосвязи очень важно для предстоящих десятилетий. Потому что старые семейные уклады подвергаются перестройке. Большие, состоящие из нескольких поколений, семьи исчезают, а маленькие, состоящие из родителей и детей, пытаются найти свои новые закономерности. Но как раз к ним и будет относиться более глубокое понимание социальных отношений в ряду братьев и сестер, чтобы быть более справедливым к детям и подросткам, нежели это было до сих пор.

Хотелось бы, чтобы представленные здесь закономерности социального поведения стали помощью для родителей и учителей, социальных работников и попечителей, врачей и психологов, а также были встречены с новым пониманием теми, кто доверен их попечению.

Важно не психологическое суждение; а человеческое понимание и сочувствие. Не тесты, в их различных видах, вариантах позволяют понять другого человека, а только вживание в его судьбу, в то, как можно с ней справиться. Потому что лишь такое вникание пробуждает любовь и сочувствие. Но любовь "терпелива и приветлива, любовь не горячится, не озорует и не чванится..." Все, чем занимаются психологические и психологизированные тесты — противоположность любви, потому что в этом случае человек

превращается в выносящего приговор судью. Это делает его высокомерным и чванливым.

Однако здесь речь идет о сопереживании, сострадании и понимании. Дается не схема - каталог, а взгляд высшего предназначения, под которым мы все находимся и который мы сможем постичь лишь тогда, когда захотим его вынести и выстрадать. Потому что не тесты, не эксперименты и не анализы, а только весь неделимый человек "является мерой всех вещей".

Др. Карл Кениг

5 мая 1964 г.

Единственный ребенок

I

Существует настолько много посторонних влияний и обстоятельств, что бывает трудно распутать этот клубок и разобрать их поодиночке. Так, существуют, к примеру, врожденные качества, которые имеют решающее влияние на развитие личности. Это наши темпераменты, которые, будь мы флегматиками, холериками, сангвиниками или меланхоликами, выражают глубинную суть нашего существа и очень редко зависят от окружающего нас мира.

Многие наши склонности и таланты происходят из самых затаенных уголков нашего подсознания, они возникли еще в детские годы, под влиянием окружающего нас мира. Уже на первом году жизни малыш учится лепетать гласные и согласные звуки или ворковать их про себя. Позже он подражает манере говорения, которую он слышит вокруг себя, и таким образом постигает родной язык — язык, который пронизан особыми оттенками и модуляциями, и который так характерен для ограниченного мира подрастающего ребенка. Через подражание ребенок приобретает диалект своего окружения, своей местности.

Но объектом подражания становится не только манера говорения: в каждой области, деревне, в каждой местности имеются, независимо от особенностей диалекта, также особенные движения и жесты, характерные только для данной местности. Человек, проживающий в Бирмингеме, движет руками не так, как житель Глазго. Движение головы, которым абердинец отвечает на утреннее приветствие соседа, совершенно отличается от кивка головы жителя другой области. Даже отдельные районы крупных городов, таких как Лондон, Вена или Берлин отличаются друг от друга диалектом, жестикуляцией или тем, как одеваются их жители. Эти несколько примеров дают понять, насколько многообразны внутренние силы и внешние воздействия, которые влияют на формирование нашей личности. Среди этих многочисленных определяющих каждого человека факторов есть один, который часто остается незамеченным, хотя имеет огромное значение. Он пронизывает существенную часть нашей жизни и определяет наше поведение в обществе. Этот фактор определяется местом в ряду детей, которое занимает каждый ребенок по факту своего рождения. Является ли ребенок единственным или одним из многих братьев и сестер; является ли он единственным мальчиком среди множества сестер или девочкой в кругу мальчиков.

На всю дальнейшую жизнь человека влияет, родился ли ребенок первым, вторым или третьим в семье; был ли он уже постарше, когда

родились его братья и сестры, или он сам был последышем, а двое или трое его собратьев уже были взрослыми, когда он между ними бегал малышом. Здесь сокрыты бесчисленные возможности, которые оказывают глубокое влияние на человеческую жизнь.

Если мы вдруг захотим выделить качества, которые подрастающий в семье ребенок обретает, благодаря занимаемому им месту в порядке рождения, то верный ответ на вопрос будет найти нелегко.

Имеется ряд исследований, которые пытались выявить общие черты первых, вторых и третьих детей. Но до сих пор не удалось прийти к положительным результатам. Одним из таких исследований было точно установлено, что «дети, родившиеся первыми, имеют обычно при рождении меньший рост и вес, чем те, которые рождены в этой семье позже. Среди них чаще бывают не по возрасту развитые дети, но чаще и такие, которые нуждаются во врачебном уходе. Дальнейшие наблюдения в отношении их здоровья и физического развития не привели к ясным результатам».

Достаточно подробные исследования степени интеллигентности первого и последующих детей дали пока только отрицательный результат: не были определены сколько-нибудь заметные различия, которые давали бы основания для этого.

Тем не менее, такие различия имеются, и опытный наблюдатель часто может определить, идет

ли речь о первенце или о последыше. Единственный ребенок в семье всем своим обликом также демонстрирует характерные особенности. Но возможно ли указать на ту особенную сферу, в которой выражаются эти особенности? Существует ли такая область души, где эти различия можно найти? Исходя из моих многочисленных наблюдений, становится все яснее, что ни уровень интеллигентности, ни таланты и инстинкты человека, ни его темперамент, ни его характер не обусловлены его местом в ряду братьев и сестер. Все названные выше качества относятся исключительно к его индивидуальности. Частично они определены наследственностью, а частично опытом, который получает каждый ребенок еще до своего рождения.

Но место в ряду братьев является решающим для поведения человека внутри сообщества. Оно коренным образом влияет на то, как человек реагирует на других людей, оно определяет его способность дружить, быть товарищем своим окружающим, вступать в сообщество или нет. Оно также очень существенно влияет на выбор супруга или супруги.

Эти формы общественных отношений определяются теми же основополагающими силами, которые определяют отношения и между людьми: это формы проявления способности к контактированию.

Прежде чем мы продолжим наши соображения, давайте зададимся вопросом: в чем суть этой способности к контакту. Каким силам нашей

души мы должны быть благодарны за возможность идти навстречу другим людям? Сможем ли мы дать им определение и описать подробнее?

II

Ни одной темой в современной психологии не пренебрегали так, как это произошло с изучением способности к контактированию, хотя наша совместная жизнь в обществе очень сильно зависит от этого качества. Все мы знаем тех одаренных людей, которые очень легко и в любой ситуации умеют найти подход к другим людям. Им достаточно только войти в помещение, где уже присутствуют другие и через некоторое время они оказываются в центре всеобщего внимания. Остальные толпятся вокруг них, так как чувствуют себя возле этих волшебников общества комфортно и защищенно. Для каждого найдется дружеское слово, сердечное рукопожатие, понимающая улыбка и ободряющий взгляд.

Другим, наоборот, достаточно трудно открыто вести себя с близкими и устанавливать с ними правильный контакт. Они робеют и больше держатся в стороне; таким лишь с большими усилиями удастся завязать сердечный разговор с незнакомым человеком.

Является ли это патологией, если порой способность к контакту бывает чрезмерной, а порой, наоборот, ее почти нет? Есть дети, которые всегда готовы вступить в контакт с другими и

едва сдерживают себя, чтобы не броситься в объятия первому встречному. Их симпатии буквально льются через край, и не знают никаких затруднений в выборе партнеров.

Напротив, есть дети, а также и взрослые, которые в большей или меньшей степени не способны сойтись с другими. Нет, они не эгоистичны, но мостик между ними и их окружением отсутствует полностью. Многие ушли в свой собственный мир, другие имеют лишь поверхностную словесную связь со своим визави, но настоящего контакта не происходит. А есть дети, которые вообще не способны контактировать с другими детьми и последние, в этом случае, просто отказываются играть с ними.

Психология Юнга описывает эти два экстремальных типа как экстравертный и интровертный. «Экстраверт думает, чувствует и действует в отношении объекта. Он переносит свой интерес с субъекта на объект и ориентируется прежде всего на то, что находится вне его. У интроверта, напротив, собственная личность является исходным пунктом его интереса (объектом), в то время как внешнему объекту отводится второстепенное, опосредованное значение. Попав в какую-либо ситуацию, этот тип людей вначале как бы замыкается, как бы демонстрируя невысказанное «нет». И только потом проявляется его истинная реакция».*

Сам Юнг придерживается мнения, что «интроверсия или экстраверсия, как типичный способ поведения, означают основные направления,

* Jolande Jacobi: «The Psychology of C. G. Jung». (London, 1951)

которые определяют все духовное развитие, устанавливают манеру привычного реагирования и благодаря этому крайне важны не только для стиля поведения, но и для зарождения личного опыта».*

Не может быть сомнения в том, что оба эти вида поведения, со всеми их оттенками и отклонениями, очень тесно связаны с поисками контактов. У отдельного человека они являются определяющими между субъектом и объектами, которые его окружают.

Было бы несправедливо отождествлять эти относительно простые признаки человеческого поведения с присущими ему оттенками способности к контакту как таковой. Интроверсия и экстраверсия указывают лишь на способ, которым отдельный человек вступает в отношения со своим окружением. Они также характеризуют способность или неспособность отдельной личности ответить Я другого человека, но процесс, характер встречи, фактический контакт ни в коем случае не может быть представлен и описан ими исчерпывающе.

Не существует ни одного человека, который бы в своей духовной составляющей не обнаружил бы наряду с элементами интроверта, также и элементы экстраверта. Только степень и относительное смешение этих качеств в каждом отдельном случае различны; так тот, кто определенно несет в себе черты экстраверта, может классифицироваться, как экстраверт. Но он имеет также достаточное количество интровертных

* C. G. Jung. «Modern Man in Search of a Soul». (London, 1945)

качеств, которые тоже четко могут быть определены, если даже сокрыты преобладающими экстравертными чертами. Точно также и у интровертов имеется некое количество качеств, присущих экстравертам, которое проявляется в определенных мгновения и в особых случаях.

Человек всегда и в каждом отдельном случае существо, в котором присутствуют полярные силы. Эти противоречия определяют и уравнивают друг друга как весы. Это также касается и полярности, которая описана как экстравертность и интровертность.

Где же источники этих тенденций? Есть ли определенные области в широкой сфере человеческой души, которые являются интровертной или экстравертной, или это сама личность, которая выступает здесь в своей двойственности?

Кажется, что ответить на этот вопрос не трудно. Простой процесс самонаблюдения может помочь понять эту проблему несколько глубже. Когда мы, к примеру, занимаемся трудной идеей и пытаемся решить сложную проблему, мы концентрируем на этом наши мысли и склонны к тому, чтобы позабыть обо всем на свете.

Мы погружаемся в мир идей и думаем лишь только о том, чтобы собраться с мыслями. Мы даже закрываем иногда при этом глаза и охватываем голову руками, поза интроверта при этом очевидна.

Совершенно другим бывает наше поведение, когда мы подчинены какой-либо деятельности, которая связана с нашей силой воли. При этом

мы забываем самих себя и совершенно погружаемся в предмет нашего труда. Возводим ли мы стену, обрабатываем ли кусок земли, моем обувь или вспахиваем поле, — всякая работа, того или иного рода, требует от нас, чтобы мы идентифицировали себя с объектом нашего труда. Рабочий, который не любит обрабатываемый им предмет, никогда не будет в состоянии исполнить свою работу с удовольствием или выполнить ее до конца.

При любой деятельности, которую мы должны осуществлять с участием воли, нам следует быть экстравертами, чтобы из этого вышло что-то хорошее.

Теперь ясно, что источник интроверсии относится к сфере мышления, в то время как экстраверсия — к волевой сфере. Силы “интроверсии” и “экстраверсии” имеются в каждом человеке, потому что мы должны быть одновременно и думающими и делающими.

Если человек более склонен к типу мыслителя, ему будет тяжелее найти контакт с другими людьми, чем тому, который является человеком дела. Последний испытывает меньше препятствий при непосредственных контактах с другими. “Мыслитель” же становится медлительным и сдержанным, если пытается наладить отношения с другими. Вот здесь и находится источник обоих качеств, которые определяют характер поиска контактов. Тогда где находится сам источник поиска контакта?

Давайте попытаемся еще раз поразмышлять

о самих себе и направить взгляд внутрь себя. Все, что нас окружает, — будь то природа или создание рук человеческих, — имеет к нам особенное отношение. И не только потому, что мы что-то замечаем и думаем о том, что видим; а что-то оставляем без внимания, или, наоборот, хотели бы завладеть чем-то! Как только мы сталкиваемся с объектом, то он уже как бы оказывается снабженным признаками симпатии и антипатии. И не стоит воображать себе, что ты настолько «объективен», что не испытываешь ни симпатии ни антипатии к объекту, встретившемуся тебе. Сталкиваясь с предметом, тотчас же ощущаешь чувство, которое исходит из глубины нашей души. Подобное происходит между нами, животными, цветами, камнями и кристаллами. Звук, шорох, краски и тени, запах и вкус — все способствует возникновению у нас чувственной ответной реакции. Чувство при каждой подобной ситуации — это тайна, которая возникает между отдельной личностью и объектом. Источник наших ощущений — это там, где мы встречаем симпатию или антипатию в окружающем нас мире. Но часто случается так, что мы испытываем не только симпатию или антипатию. Существуют различные оттенки так называемых двойственных чувств: в одно и тоже время мы можем испытывать к одному и тому же объекту как симпатию так и антипатию.

Наши симпатии связаны всегда с экстравертностью, а антипатии — с интровертностью. Направление симпатии всегда экстравертно, а антипатии — интровертно. Кроме того, следует под-

черкнуть, что чувства антипатии, как и чувства симпатии, оба этих варианта, являются как бы крыльями контактов, которые связывают каждого отдельного человека со всем миром. Мы реагируем на наше окружение двойным образом. Лишь направления — в себя, или — от себя, различны; слишком много симпатии нисколько не легче вынести, чем слишком много антипатии. Человеческая энергия, действующая в сообществе, покоится в сфере его чувств. Идя на встречу другому, человек вкладывает в свои чувства силы симпатии, а отворачивается от него с совершенно противоположными. Это процесс дыхания: выдох есть симпатия, вдох — антипатия. В этом прообраз контактных ситуаций человека. В случае, если кто-либо не находит контакта с человеком или контакт очень мал, то это не означает, что здесь действуют мощные силы антипатии. Может быть и так, что симпатия или антипатия проявляются в незначительной мере потому, что незначителен сам уровень эмоционального развития.

Все это лежит в сфере чувственной и духовной жизни, в том, как человек проявляет свой контакт с окружающим миром и выражает к нему свое отношение. Он соприкасается со своим окружением как симпатией, так и антипатией. Как преданность, так и нерасположение, экстра- и интровертность — это элементы, которые необходимы ему в социальной жизни. С самого детства человек учится пользоваться этими качествами.

III

Но давайте вернемся к той роли, которая достается в детстве каждому относительно его места в порядке рождения. Как влияет оно на его контакт с окружающим миром, это особое поле деятельности в нашей духовной жизни? Какое влияние оказывает это место в семье на раскрытие нашей эмоциональной жизни? Определяются ли наши благосклонности и нерасположения количеством братьев и сестер, среди которых мы растем в семье?

Для того, чтобы не усложнять вещи, давайте, прежде всего, обсудим особый случай, а именно: когда в семье единственный ребенок, этот редчайший человеческий экземпляр, который растет под крылом родителей и который для них часто является всем и вся в этом мире. Их жизнь заключена в этом ребенке, но и его существование также всецело связано с его матерью и отцом. Такая ситуация — ситуация особого рода. Давайте попытаемся вникнуть в нее и понять проблему, которая в ней заложена.

Несколько лет назад молодой английский поэт издал свои детские воспоминания и озаглавил их «Единственный ребенок». * Титульная иллюстрация изображала мальчика, который боязливо стоит у полуприоткрытой двери своего дома и робко выглядывает в незнакомый ему мир. Его глаза устремлены в даль, в неизвестность. Воз-

* James Kirkur: «The Only Child — An Autobiography of Infancy». (London, 1957)

никает впечатление трагической изолированности от всего, что лежит вокруг него — маленькой фигурки в шортиках и шерстяном свитере, со спущенными колготками и в изношенных сандалиях. Это — подлинный образ единственного ребенка во всей его полноте. Он стоит в дверях родительского дома, не будучи ни внутри, ни снаружи. Его удел — оставаться всегда на пороге! Позади — спокойная гавань родительского дома, впереди — великолепный бесконечный мир. Но этот ребенок ни там, ни здесь. Он не может наслаждаться теплом родительского гнезда, но и не отваживается ринуться в глубину жизни, которая простирается перед ним. Так и остается он на пороге, в особой ситуации, присущей единственному в семье ребенку.

Автор книги пытается разгадать свои душевные качества, которые, как он считает развились вследствие того, что он был единственным ребенком в семье.

Он описывает себя самого следующими словами:

«Он тих, даже тогда, когда он радостен;

И робеет, когда он любит.

Миг, и его взгляд — глубокая боль,
миг, и он снова звонко смеется; почему?

Нет ответа.

Соседи, окидывая его взглядом,

только вздыхают,

но позже все же многократно

его благословляют.

Иным он кажется странным,
а многим — просто глупцом».

Его память возвращает его в те времена, когда он был еще совсем младенцем. “Я помню себя еще тогда, когда лежал в моей высокой детской коляске, запах которой я чувствую до сих пор”.

Далее он продолжает: “На ранних фотографиях я выгляжу бледным и чрезмерно серьезным ребенком. С самого детства я наблюдал за всем, но был молчаливым и замкнутым”.

Несколькими страницами позже он признается: “Я был единственным ребенком, но ни в коем случае не одиноким. Мои родители были уверены, что маленькие разбойники нашего района были не подходящими для меня партнерами в играх, и я знал, что часто мне следовало полагаться лишь на себя одного. Но это меня не огорчало. Я был совершенно счастлив, когда, лежа в теплые, солнечные дни в детской коляске, выглядывал сквозь отделанную шелковой бахромой накидку. Или ползал по булыжникам перед нашей дверью, выковыривая пальцами черную грязь между отдельными плитками. Находясь в таком положении, я представлял себе, что, вглядываясь в даль, поверх бесконечного каменного моря, я открываю неведомую страну, которую мне, возможно, никогда не позволено будет посетить, но где тоже играют незнакомые мне дети и живут другие люди, которые совсем непохожи на жителей нашей улицы, но также спешат по своим делам”.

Это является законченным совершенным описанием душевного склада единственного ребенка. От своего непосредственного окружения

его держат поодаль. Он видит его через ворота собственного дома, и мир снаружи кажется ему чуждым; даже тогда, когда он его знает. Он может, пожалуй, рассматривать его, но не касаться его. Он принимает участие в происходящем, без того, чтобы действительно в них участвовать. Он не тот ребенок, который может забыть самого себя, но он наблюдатель, который соблюдает между собой и окружением четкую дистанцию.

Постепенно он, будучи еще ребенком, начинает осознавать свое, “инобытие”, то, что отличает его от людей его окружения: “В доме моей бабушки, миссис Джонсон, — тогда ему было 4 года, — я ощущал со всей отчетливостью бурлящую радость жизни окружавших меня людей, которые могли петь и смеяться, шутить и так много любезничать, что при этом голова шла кругом: они были совсем другие, чем я. Я часто удивляюсь, почему я не мог вести себя как они”.

Это особенная ситуация единственного ребенка. Он стремится быть как другие — веселым и непринужденным, смеющимся и плачущим, полным предупредительности и, опять-таки, сдержанности. Но все это ему чуждо. Он стоит там и смотрит в безбрежное, так как он — дитя порога.

В самой семейной ситуации заложено то, что его чувственная жизнь осталась не испробованной и неразвитой. У него не было братьев и сестер, с которыми бы он вынужден был быть вместе. Не было никаких разногласий, никаких скандалов, никаких ссор, но и никакого сердечного тепла и симпатии, как это случается в кругу бра-

тьев и сестер. Он был одиноким, маленьким существом, которое рассматривало мир с высокой башни и оставалось далеким от окружающих его людей.

Джеймс Киркуп описывает это душевное состояние: «В этом раннем возрасте уже начало проявляться типичное моей поздней сущности и жизни. Я был действительно одиноким ребенком, хотя я еще не осознавал это одиночество. Я был даже лучше всего один. Но одновременно я разрывался от стремления быть среди других людей и в их кругу. Я любил саму мысль о совместном пребывании с кем-либо. Но достаточно было мне провести некоторое время в кругу двоюродных братьев и сестер, как у меня снова возникало настоящее желание побыть одному. Я не мог понять сам себя. Это было начало внутреннего конфликта, который на протяжении многих лет был причиной моего несчастливого состояния».

Здесь мы находим следующее, четкое описание сущности единственного ребенка. Это — одинокий ребенок. Хотя он и стремится быть с другими, но когда это происходит, он уже снова хотел бы быть один. Это раздвоение в ощущениях единственного ребенка: встретиться с другими, стать одним из них — и потом все-таки снова удалиться от всех. Здесь мы встречаем четкую картину амбивалентности.

Единственный ребенок не имеет никакого другого, кроме своих родителей; но они не могут быть подобны ему, так как они взрослые. Хотя

они и дают ему кров и домашнее тепло, но они — взрослые, которые стоят за ним и над ним, но не на его стороне. «Мои родители, — пишет Киркуп, — были для меня просто красивыми, большими, дружелюбными людьми, у которых я чувствовал себя счастливым и защищенным. Однако я еще не делал никакого личного различия между ними: произошло лишь много лет позднее. Также почитал и любил я их одинаково, как это, я думаю, не часто случается среди других детей».

Из этого ясно вытекает, что родители означают для ребенка, пожалуй, тепло домашнего гнезда и защищенность. Но они не могут заменить ему общение с ему подобным, который является основополагающе важным для раскрытия чувственной жизни в развивающемся ребенке. Другое из его заметок подтверждает это. Маленький мальчик привык каждое воскресенье посещать свою бабушку и тетю: «Потом я снова отправлялся к остановке трамвая, после того, как я поцеловал бабушку и тетю Анну — что-то, что я не мог терпеть, так как я с удовольствием целовал только отца и мать. Для меня было чем-то ужасным, целовать других людей». Почему ему это казалось ужасным? Потому что в действительности, кроме его родителей, для него не существовало ни одного другого человека. Другие были чужаками, иностранцами из далекой страны, из мест, в которые ребенок еще никогда не вступал.

Ему было также тяжело и трудно выносить присутствие других людей. «Моя мать рассказывает, что иногда это ее могло привести почти в

неистовость, если я сидел где-нибудь прямо и неподвижно, не говоря ни слова, в то время, как другие дети моего возраста болтали без умолку. Когда приветливые незнакомцы иногда останавливались, чтобы поговорить со мной, они не могли вытащить из меня ни слова”.

Когда он пошел в школу, там это продолжалось точно также. “Я не заводил никаких знакомств, — пишет он, — из-за моей молчаливости и замкнутости другие дети, да и некоторые учителя, обращались со мной, как будто я не был нормальным ребенком. Они называли меня глупым, но это мне не мешало. Часы, отводившиеся для игр, были для меня пыткой, так как шумные игры я не любил. Игровая площадка с шайкой диких, кричащих детей вызывала у меня только ужас. Я всегда пытался спрятаться в темноте сарая, стоявшего в конце игровой площадки.

Это снова характерно для единственного ребенка. Игровая площадка наполнена суетой и неистовством его одноклассников, но единственный ребенок остается в стороне, в безопасности одиноко стоящего сарая, на пороге своей жизни.

Такие описания существенны, так как они рисуют действительное положение ребенка, о котором идет речь, намного лучше, чем это могут сделать психологизирующие рассуждения. Амбивалентная чувственная жизнь настолько укореняется в единственном ребенке, что это сопровождает его всю жизнь.

Даже когда единственный ребенок вырастает,

он остается в своего рода “изоляции”. Он всегда стоит на краю бытия, не в состоянии погрузиться в изобилие жизни. Многие из этих одиноких детей выказывают в их дальнейшей жизни странные неврологические черты в поведении. На основе их одиночества у них развиваются редкие привычки, которые позволяют им стать отшельниками или ярко выраженными особыми личностями.

Существуют абсолютно разные формы этого одиночного существования. Они настолько разнообразны, насколько разнообразно само наше бытие, которое всегда полно бесконечных вариаций. Однако сквозь все разнообразие постоянно звучит основной тон одиночества. Он проявляется в трудности поддерживать нормальный контакт с окружающими людьми и сделаться естественной частью окружающей его жизни.

Единственный ребенок слишком часто склонен стремиться к особому признанию и уважению в обществе. Так как для него невозможно быть одним среди многих, то он стремится к исключительному положению и более высокому месту в жизни. Тогда он часто действительно занимает особое положение или не успокаивается, пока ему не удастся достичь этой цели.

Единственный ребенок будет поэтому все снова и снова колебаться туда-сюда между “слишком много” и “слишком мало” общественного контакта, так как он не слишком уверенно чувствует себя в своих социальных способностях. У женщин это может привести к своего рода под-

черкнуто сохраняемой дистанции, даже к жестокому отношению и в обращении с собственными детьми. Многие единственные дети остаются неженатыми; если же они потом все-таки вступают в брак, то они плохо входят в рамки их собственной семьи. Нам кажется, что это все показывает нам почти мрачную картину судеб единственных детей. Но это не должно восприниматься как предостережение. Единственные дети тоже должны быть. Как раз их особенности могут направлять их к большим успехам и высоким свершениям. Через свое исключительное состояние единственный ребенок иногда может подняться до целей, которые недостижимы для других.

Одним из самых великих среди единственных детей был Иоанн Креститель. Так как он был первым сыном родителей преклонных лет, у него не было ни братьев, ни сестер, и, вероятно, совсем немного товарищей и друзей. Однако он рос и «укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю». (Лука 1, 80).

В Иоанне Крестителе смогли исполниться и раскрыться наивысшие способности единственного ребенка. Во всяком случае, позднее он будет заключен в темницу и вернется в одиночество. Однако он «видел, как с неба сходил Святой Дух в виде голубя», когда ему было дано крестить Сына Человеческого, который является единственным и единокровным сыном Бога.

Первый ребенок

I

Теперь обратимся к перворожденному ребенку. При этом сразу же возникает вопрос: не является ли единственный ребенок одновременно и первенцем? По факту, это так, но в то же время, он совершенно отличается от всех других детей - первенцев, которые стоят в начале длинного или короткого ряда следующих за ними братьев и сестер. Если мы рассмотрим это различие несколько подробнее, тогда мы сразу увидим некоторые характерные признаки первого ребенка.

Существует 2 группы первенцев: первая охватывает единственных детей, а другая — всех тех, кто предшествует своим рожденным позднее братьям и сестрам. Широкая пропасть разделяет обе группы; так как единственный ребенок всегда настроен на самого себя — первенец, напротив, является одним среди прочих. Поэтому в отношении первого ребенка мы можем сказать, что он или останется единственным ребенком или станет первым в ряду братьев и сестер. Мы должны четко удерживать это различие, хотя обе формы принадлежат кругу перворожденного ребенка.

В старые времена первый ребенок имел особенное преимущество перед своими братьями и сестрами. И даже сегодня еще, кто первым родится, сын или дочь, играет особую роль в жизни родителей. Никакой другой ребенок не ожидается так страстно и не приветствуется с такой радостью и с благоговейной благодарностью. Уже за месяцы до этого молодые родители наполнены светящимся теплом ощущений и чувств. Они с самого начала несут общую тайну. Возможно, они потом доверят ее близким родственникам и друзьям. Ребенок в пути к нам! Они чувствуют себя окруженными Глорией, которая спустится на них подобно милости: «Ребенок дан нам судьбой! Ребенок станет нашим!». С гордостью и радостным усердием будут выполняться приготовления к великому событию. Этот ребенок, который будет подарен им как первый, чаще является воистину ожидаемым, и его прибытие так подготовлено, как будто следует встретить принца или принцессу.

Ожидаемый с сердечностью, приветствуемый с радостью и рассматриваемый как драгоценная собственность, — так начинается жизнь перворожденного ребенка. Ни одному из следующих братьев и сестер не будет снова приготовлена такая триумфальная встреча. Второй и третий ребенок — пусть даже они будут еще более желанны — такое лучащееся сияние в сердцах родителей уже не возбуждают. Событие рождения уже больше не является чем-то чрезвычайным, как это было в первый раз.

В ранние времена человечества родители даже не имели права на их старшего ребенка. Он являлся собственностью надземного существа, которое рассматривалось как глава рода, племени или целого народа. Большинство перворожденных детей в древние времена были принесены ему в жертву. Сегодня такие обычаи кажутся нам жестокими и ужасными. В действительности же они были выражением благоговейного отношения к местному божеству.

«В Индии еще вплоть до начала 19 столетия имел место обычай принесения перворожденного ребенка в жертву Гангу. Как известно, первенец у индийцев всегда почитался как особенно благословенный, особенно, если он был рожден как исполнение обета родителей, которые долго не имели детей. В таких случаях жертвоприношение ребенка в Индии не было чем-то необычным»*.

«Если в Уганде перворожденный ребенок вождя или другого правителя оказывался сыном, он бывал задушен акушеркой, которая в таких случаях уверяла, что ребенок пришел в мир мертвым. Это делается, чтобы не навредить жизни отца. По примете: если первым рождается сын, это значит скорую смерть отца, и ребенок тогда бы унаследовал все, чем отец обладает».

«В Британской Колумбии индейцы Кутонак-ва почитают Солнце и приносят ему в жертву

* Как и следующие цитаты взяты из труда сэра Джеймса Фрезера «Умиравший Бог» (Лондон 1936)

первороденных сыновей. Если женщина там носит ребенка, она молится Солнцу и говорит: «Я ожидаю ребенка. Если он родится, я принесу тебе его в дар. Сжался над нами».

«Среди индейцев Салини первый ребенок часто приносится в жертву Солнцу, чтобы через это выпросить для всей семьи здоровья и благополучия».

В обоих последних сообщениях узнаваемо внутреннее значение такой жертвы. Первый ребенок бывает отправлен обратно в духовный мир, чтобы стать защитником и хранителем всей семьи. Он будет направлять последующих детей вниз, к земле, и оставаться их духовным руководителем и другом.

Что-то подобное существовало среди семитских народов, особенно среди евреев. В Иерусалиме, во времена ранних пророков, существовало особенно для этого определенное место, где родители сжигали своих детей — девочек как и мальчиков — в честь Ваала или Молоха. Это место находилось в долине Ханаан, за пределами городской стены, и оно было названо Тофет. Этот ужасный факт все снова и снова упоминается пророками с полным траура негодованием.

В то время подобные обычаи уже в принципе давно изжили себя. Если они еще проявлялись, то они были возвратом в древние состояния, не имея уже своего первоначального культового значения. Так как уже Авраам, когда Бог решил его испытать, готов ли он принести в жертву своего старшего сына, был остановлен и освобожден

от исполнения этого деяния: вместо Исаака на алтаре возник ягненок. С того самого момента все эти человеческие жертвы стали не нужны и потому стали достойны отвращения.

II

Но мы все еще носим в нас остатки таких представлений и предписаний веры. Они исчезли из области нашего обычного дневного сознания. Однако в глубоких слоях души, в нашем подсознании, они все еще присутствуют. Оттуда они, как и раньше, воздействуют на наши мысли и дела.

Особое сияние, которое окружает голову первороденного ребенка, является частью этой древней силы воображения, (Рудольф Касспер), которая переживается глубоко в нашей душе. Ее влияние касается единственного ребенка настолько же, как и первороденного. Оба являются в высшей мере особенными детьми, которые были возвышены через ранг их рождения. Но единственный ребенок всегда остается один; пастух без отары, князь без свиты.

Положение первенца напротив другое. Он некоторое время тоже является единственным ребенком, пока ему однажды не будет показан младенец, и он узнает, что тот в будущем станет его спутником и близким родственником. Очень характерно это мгновение описано Элен Келлер*.

* Э. Келлер: История моей жизни (Берн, 1955).

“Долгое время я рассматривала мою маленькую сестру как захватчика. Я знала, что я перестала быть для моей матери единственным любимчиком, и мысль об этом наполняла меня ревностью. Малышка всегда сидела у матери на руках, там, где было мое привычное место и казалось, что мать отныне принадлежит только ей”.

Потребуется определенное время, пока первый ребенок будет готов смириться со своим братом или сестрой. Это зависит в первую очередь от разницы в возрасте, но и от позиции родителей, домашних условий и не в последнюю очередь от темперамента и предрасположенности самого ребенка.

Мы знаем, что в некоторых случаях невозможно вообще побудить первого ребенка к принятию второго братика или сестрички. Тогда младший должен переносить вспышки гнева и ревности и может лишь с трудом завоевать отведенное ему место в семье. Немного такта и понимания со стороны родителей могут помочь преодолеть такие трудности и часто исправить ситуацию за короткое время.

Поэт Карл Шпиттелер, который написал, пожалуй, самую захватывающую книгу о детских воспоминаниях “Мои самые ранние переживания”, описывал, как он был вообще не в восторге от появления его младшего брата. Он не мог к нему никак привыкнуть (относиться хотя бы безразлично), и он отказывался иметь хоть что-то с этим маленьким живым свертком. Но это изменилось. “Как только он смог стоять на ногах и

оказался способным быть партнером по играм, он был принят мной”. Живо он описал сцену, как в один жаркий летний день оба были посажены в ванну и с общим восторгом радовались прохладе воды. — “Ни ссоры, ни борьбы за место, напротив: мы шумели и кричали, брызгались и плескались по желанию сердца, совсем мирно вместе и наперегонки”*.

Обычно это мягкое столкновение при встрече между первым и вторым ребенком преувеличивается психологами в его значении, даже если оно и играет определенную роль в развитии ребенка. Оба маленьких соперника могут легко найти дорогу друг к другу, если они узнали решительность своих родителей не оказывать предпочтения ни одному из них. Здесь отец и мать должны отдавать себе отчет в своих ощущениях и поступках. Если они окружают первого и второго ребенка одинаковой заботой и нежностью и обоим одинаково покровительствуют, то это поведение станет самым лучшим средством для преодоления начальных трудностей, которые возникают между обоими детьми.

Эти критические моменты в совместной жизни братьев и сестер требуют больших усилий как со стороны родителей, так и детей. При этом первенцам еще труднее, чем последующим братьям и сестрам. Дело в том, что первый ребенок вскоре начинает понимать, что его “место под солнцем” находится под угрозой из-за кого-то,

* Карл Шпиттелер: Мои самые ранние переживания. (Жена, 1914)

кого он до этого вообще не знал. Внезапно рядом с ним другое существо, которое не только делит с ним его комнату, но и его дом, и его уютное место на коленях родителей”.

Откуда пришел этот новый человек?

Для второго ребенка шок иногда может быть еще большим. Он хотел прийти и присоединиться к своим родителям, к отцу и матери. И теперь он вынужден открыть, что там уже есть другой, который занимает место, которое он задумал для себя.

Из этого развиваются две отличные друг от друга душевные установки. Первый ребенок должен защищать свое унаследованное место, а второй ребенок должен завоевать это место, которое оказывается занятым уже кем-то другим. Эта исходная ситуация для обоих братьев или сестер полностью различна и имеет самое большое влияние на их поздние межчеловеческие отношения.

Первый ребенок является защитником. Защитником веры,* защитником традиции, хранителем семьи. Первый ребенок защищает унаследованное прошлое от натиска новых идей и действий. Он должен сохранить то самое, что уже было достигнуто. Первый ребенок выступает за прошлое; нравится ему это или нет. Было бы интересно однажды исследовать, сколько перво-рожденных детей находятся среди защитников, адвокатов и судей. Вероятно они, по сравнению

* Один из титулов, который дается английскому королю (ред.).

с рожденными на втором и третьем месте, находится в сильном большинстве. Туда, где дело идет о праве и порядке, традиции и спокойном дальнейшем существовании, относится первый ребенок. Первый ребенок является наследником короны, титула, ведущий позиции внутри семьи, как охватывающего владения духовных и материальных ценностей. Все эти обязанности и претензии на владение ложатся в руки и на плечи первенца, так как он с раннего детства воспитывается для сохранения старых ценностей и их защиты.

Таким образом, первый ребенок имеет особое положение в жизни мира, как и семьи. Чем большим будет число его братьев и сестер, тем отчетливее выделяется его особенное положение между ними. Он является связующим звеном между родителями, с одной стороны, и своими братьями и сестрами, с другой стороны. Такое связующее звено, однако, может быть или мостом или разделяющей стеной - как дверь, которую держат или открытой или закрытой.

Это два существенных признака первого ребенка: он может преградить путь, но и построить мост, который из прошлого ведет в будущее. В действительности он имеет два лица: одно повернуто к родителям, оно олицетворяет прошлое, другое смотрит на своих братьев и сестер, этим самым оно смотрит в будущее. Таким образом, положение первого ребенка во всем течении потока жизни имеет очень значительную и особенную функцию.

III

Интересное подтверждение для наших наблюдений представляют определенные статистические исследования. Общеизвестен факт, что среди первых детей рождается больше мальчиков чем девочек, но что это количественное преобладание при третьем ребенке постепенно снижается. При четвертом ребенке это снова начинает расти.

Это поведение, представленное в форме таблицы, дает приведенные внизу значения. Количественное отношение полов (секс — пропорция) показывает количество мужских потомков на каждые 100 женских. «Половое соотношение из 100 иначе означает равновесие между рожденими мальчиков и девочек. Всюду обычно рождается больше мальчиков, чем девочек. В большинстве цивилизованных стран это соотношение лежит приблизительно около 105»* У перворож-

Последовательность рождений	Новая Зеландия	По данным "Кто есть кто" в Америке	Новая Англия I	Новая Англия II
1-й ребенок	108,1	111,2	129,0	115,5
2-ой ребенок	105,4	104,2	109,8	116,2
3-ий ребенок	104,1	101,7	103,5	113,0
4-ый ребенок	104,4	113,4	124,5	—
I. Семьи с 4 и более детьми II. Семьи с 1 — до 4-х детей				

* Таблица, а также эта и следующая цитаты, взяты из книги Эльсворт Хантингтон. «Сезон рождения» (Нью-Йорк и Лондон 1938).

денных детей, однако, этот показатель растет в пользу рождений мальчиков.

Из этой таблицы становится ясным, что задачи, выпадающие на долю перворожденного ребенка, чаще доверяются мужчинам. Это мужской образ действий, быть защитником, и, наверное, поэтому число мужских рождений среди первенцев особенно важно.

Есть еще одна интересная и значимая особенность, отличающая первого ребенка. Если не уровень интеллигентности принимается как мера способностей человека, а его достижения, которые выражаются в его жизненном пути и его успехах, тогда это могло бы быть четким указанием на его место в ряду братьев и сестер.

«Мистер Циглер из генеалогических книг выбрал около 1210 лиц, чьи характеры и достижения, по сообщениям в «Кто есть кто», были больше среднего. Он разделил их по двум принципам: по ранговой ступени и количеству детей в родительской семье. Через это мы получаем относительно точную картину, в каком объеме ведущие личности Америки происходят из семей различной величины, и какое место они занимают в родовом ряду».

Следующая таблица показывает это в числах и четко указывает на то, какая значительная роль отводится первенцам.

Очевидно, что в семьях различной величины первый ребенок по своим достижениям намного опережает остальных. Особенно в маленьких семьях он, в этом отношении, стоит намного

* Родовая последовательность		1	2	3	4	5	6	7	Сумма
Размер семьи (количество детей)	1	46	—	—	—	—	—	—	46
	2	59	33	—	—	—	—	—	92
	3	73	34	32	—	—	—	—	140
	4	53	42	47	28	—	—	—	170
	5	42	34	22	24	18	—	—	141
	6	27	15	24	21	20	19	—	126
	7	25	18	18	22	14	14	23	134
		326	177	143	95	52	33	23	849

впереди родившихся после него братьев и сестер.

Через эти примеры убедительно выступает вперед тип и предрасположенность перворожденного ребенка. Первый ребенок не имеет сохраняющей дистанцию позиции единственного ребенка. Последний, возможно, и может прийти к высокому почету, званию в жизни, но внутренне он всегда будет оставаться отшельником — человеком, который стремится к доверительному обращению, которое, однако, ему редко выпадает. Первый ребенок, при равно выдающемся внешнем положении, не является одиноким существом. Он вынужден играть ведущую роль, вначале среди братьев и сестер, позднее среди своих соплеменников. Первенец обладает большим чувством ответственности, которая распростра-

* Таблица в книге Хантингтон охватывает семьи, в которых до 15 детей. Чтобы сделать это более отчетливым, я привожу здесь только цифры, которые относятся к семьям, состоящим максимум из семи детей.

няется на многие вещи, которые происходят в его окружении. Может быть, что в нем разовьется гордое чувство собственного достоинства или иногда развивается высокомерное существо, которое возникает из-за того, что он хочет соответствовать требованиям своего сознания ответственности.

У первенца легко устанавливается привычка командовать женой и детьми, а также привычка ожидать от более широкого круга друзей и родственников, чтобы они видели в нем личность, которую нужно спросить в первую очередь, если речь идет о принятии важных решений. Некоторые первенцы ощущают горечь и чувствуют себя обойденными, если они имеют впечатление, что их положению оказано недостаточное уважение.

Все достигнутое ими связано с легким чувством вины. Причина в том, что им оказываются недоступными определенные возможности, которые являются открытыми для других с раннего детства. Первый ребенок должен позаботиться об обороне, даже если часто он намного охотнее атаковал бы. Он иногда должен подчиняться, даже там, где это не кажется ему правильным. Первый ребенок подчиняется часто при обстоятельствах, при которых он скорее бы хотел бунтовать. Первенцы являются авангардом, который медленно и постепенно двигается вперед при продвижении человечества.

Часто существует сильное и болезненно ощущаемое напряжение в душевной жизни первых

детей. Во многих из них живет нетерпение, как можно скорее достичь влияния и уважения. Но это не всегда коренится в воле к власти или честолюбию. Это может быть и последствием высокого идеализма, который хотел бы реформировать мир. Эта целевая установка, однако, стоит в противоречии с унаследованными силами упорства, так как первенец призван к тому, чтобы сохранять и охранять.

IV

Эти общие основные тенденции первенца, однако, могут преобразовываться, переформировываться, в зависимости от состава и типа семьи, к которой он принадлежит. Это не одно и то же, является ли кто-то старшим из 2 детей, или первый из 3 или 4 или еще больше братьев и сестер. Разницу также составляет, следуют ли за мужским первенцем одна или 2 сестры, или за ним следует ряд братьев.

Чем больше число детей, тем больше возможности, которые выявляются в расстановке ряда братьев и сестер. В семье, где только 2 ребенка, существует 4 возможности: или это 2 мальчика или 2 девочки; или мальчик и девочка, или девочка и мальчик. Здесь существует только 4 вариации; но насколько разные эти 4 вида семей в их основной структуре! Насколько большая разница, если сестра имеет маленького брата, или же брат имеет младшую сестру.

Если хочется судить о каком-то человеке, нужно всегда также учитывать констелляцию его семьи и его собственное положение в ней.

В семье с 3 детьми существует уже 8 различных возможностей. Если детей 4, то получается уже 16 вариаций. Каждый такой вид членения оказывает свое влияние на подрастающего ребенка, особенно на самого старшего, так как он является естественным предводителем всего круга братьев и сестер, чье раскрытие также оказывает влияние и на его собственное существо.

Эти разные варианты семейных структур сродни музыкальным мотивам или мелодиям. Так существует, например, «мотив двух сестер». Старшая скоро осознает свои обязанности по отношению к младшей и начинает вести себя соответственно этому. При этом иногда у старшей развиваются черты характера, которые не всегда приятны. У некоторых проявляется мужской компонент, который отодвигает назад в них девичье и женственное. Это проявление мужских черт может носить разный характер. У одной девочки будет развиваться что-то беспечное и безрассудное, что действует по-мальчишески и скорее подходит к сущности жизнерадостного студента. Другая старшая сестра стремится, возможно, к полной независимости и самостоятельности. Она приучает себя к курению, хотя ей в сущности это не доставляет никакого удовольствия. Часто кажется, что старшая сестра как будто перенимает мужские привычки, чтобы играть роль брата перед младшей сестрой. Так в

первом ребенке, если он женского пола, может обнаружиться несколько андрогенный тип.

Противоположностью является случай, когда у перворожденной девочки появляется младший брат. Тогда женские черты проявляются особенно сильно, хотя и это может происходить самым различным образом. У некоторых господствующей будет материнская сущность, у других напротив — их потребность в защите и опоре. В большинстве случаев одна сторона их женственности особенно сильно выражена, как будто бы через младшего брата женские чувства в них были разбужены и усилены очень рано.

Часто действительно удивительно наблюдать эти различия, особенно если только что найден ключ к их пониманию. Однако поразительно установить, как мало внимания до сих пор уделялось взаимосвязи между этими свойствами и окружающими условиями в период детства. Здесь лежат, как мы только сейчас начинаем узнавать, некоторые корни нашего последующего социального поведения в обществе.

Семья с 3 сестрами снова задает другие исходные условия для старшей сестры. У меня была возможность несколько таких семей узнать поближе. Всегда самая старшая дочь в ее поведении имела что-то типичное, что трудно выразить словами. Не осознавая того, она принимала что-то от сущности светской дамы, к которой можно приблизиться только с трудом. Ее контакт с другими сестрами и другими людьми происходит как через стеклянную стенку и только позднее в

жизни, когда они станут более зрелыми и может быть образуют собственную семью, они возвращаются к простым и естественным формам общения. Не являлись ли обе младших сестры как бы придворными дамами или служанками, которые и дали ей возможность вести себя так “по-королевски”?

Как только прибавляется брат, кажется, что все меняется и становится снова более нормальным. В окружении 2 сестер и брата или брата и сестры снова выделяются первоначальные черты первого ребенка, не вырождаясь в аномалии.

Манера реагирования перворожденных братьев на структуру их семьи снова другая. Становящаяся личность мальчика гораздо больше ориентирована на себя самого. Поэтому он будет вести себя совсем по-иному. Чтобы справиться с 2 или 3 братьями, он должен привести себя самого в форму, чтобы быть в состоянии утвердить свою позицию предводителя. Некоторые в таких случаях пытаются развить имеющиеся у них способности и склонности совершенно особым способом, чтобы достичь на этом поле особенных успехов. Они отдаются тогда определенному хобби или особым видам спорта; также они могут избрать более узкую область науки, чтобы дать там засверкать их особенным способностям и талантам.

Как только прибавились 1 или 2 сестры, старший сын становится более уравновешенным и рыцарским в своих формах общения. Но когда

хоть 2 или 3 младших сестры и ни одного другого брата для равновесия, тогда первенец легко может развиться до паши. Тогда это зависит от него, какого рода пашой он станет: добрым и лояльным господином или невыносимым деспотом.

Старший мальчик с младшей сестрой будет иметь рядом с собой веселое, предупредительное существо. Но он может стать и излишне твердым, как это бывает со старыми учителями, так как с детства всегда кажется сам себе учителем своей младшей спутницы. Если он вместо этого имеет младшего брата, тогда старший будет высокомерным и очень самоуверенным. Сызмальства он привык иметь рядом с собой слугу. Так как младший брат принимает на себя роль оруженосца, адъютанта или помощника на охоте.

Совершенно различным образом развиваются формы общения и весь образ жизни первожденных детей. Что мы часто принимаем как врожденную или личную особенность, оказывается качеством, обусловленным положением в семье, корни которого можно найти в раннем опыте в кругу братьев и сестер. Однако это необходимо исследовать и дальше, не довольствоваться наблюдениями, возникшими из простых наблюдений хоть и на большом количестве примеров.

Чтобы сделать образ первого ребенка более полным, мы должны учесть еще одну сторону в его отношении к окружающему миру: его отношение к отцу и матери.

V

В этом отношении первенец занимает совсем особое положение. Он посредник между родителями и остальными братьями и сестрами. Как бы родители, если у них достаточно благоразумия, ни старались уделять внимание каждому из своих детей, в живом поле внимания, которое возникает внутри каждой семьи, самый старший занимает особенное положение. Он обращен к двум сторонам сразу: к родителям, как хранителям прошлого, и своим братьям и сестрам, как гарантам будущего. В действительности первенец не принадлежит ни к одной из этих обеих сторон — так как для родителей он, хотя и самый старший, но ребенок; в то время как остальным братьям и сестрам он кажется заместителем родителей. Таким образом, ему приходится играть двойную роль: родители являются капитаном на корабле семьи; а первенец стоит у рулевого весла, чтобы выполнять приказы капитана. Вероятно, он и принадлежит к команде, но все-таки не совсем. И чем старше он становится, тем крепче он должен брать руль в руки.

Так на долю первого ребенка редко выпадают беспечные радости и красоты детства. С самого начала он полон осознания самого себя и своей роли и поэтому теряет естественную и необременительную манеру поведения, которая свойственна всем остальным детям. Первенцы — как опоры моста, по которому шагают остальные. В

этом состоит особенная задача, которая им отведена.

Когда город Рим еще был маленьким поселением, которое лежало в окружении семи холмов у подножия Албанских гор, то один из легендарных королей Рима, Нума Помпилиус, должен был ввести новое божество. Его имя было Янус. В ходе римской истории этот новый Бог получал все большее значение, пока он позднее не стал высшим из богов, оттеснив в тень все другие божества. Первый месяц года, Януариус, был назван в его честь. На одном из холмов Рима, Яникулусе, который и сегодня еще так называется, в честь Януса — Януариса, были воздвигнуты 12 алтарей, в знак того, что он является правителем года с его 12 месяцами.

Этот Бог был также хранителем ворот и дверей и во многих римских домах было прибито изображение Януса над их входом. По этому поводу Фрэзер писал: * “Я предполагаю, что было обычаем прикреплять над входной дверью дома образ или символ Януса, чтобы через это поставить вход дома под защиту великого бога. Оберегаемую таким образом дверь можно было обозначить как “Янус форис” — врата Януса.

Образ этого наивысшего бога римлян всегда представлялся в виде головы с 2 лицами, которые смотрели в противоположные стороны. Один был с бородой и казалось, что он принадлежит

* Сэр Джеймс Фрэзер: “Магический образ” том II (Лондон, 1936).

арелому, иногда даже пожилому мужчине. Другой лик был гладким и по-юношески прекрасным. Многие подобные изображения известны сегодня. Бородатый лик должен был быть изображением Сатурна, а молодой лик представлять самого Януса. Мы не знаем, идентичен ли Янус Юпитеру. Но оба, старый и молодой, являются культовым образом бога, который охранял римские ворота и с которого брал свое начало римский год.*

Такое двуглавое изображение существовало не только в Риме. Его находили также у идолов многих негритянских племен в Африке и у аборигенов в Южной Америке. Это символ, который, вероятно, восходит к истокам человеческой истории. На что он указывает?

Он представлял силы перворожденного ребенка. Как любой первенец, Янус смотрит сразу в двух направлениях. Когда он обращается к прошлому, то он несет черты своего отца Сатурна. Но если он смотрит в будущее, то он похож на Юпитера - Зевса, сына, первенца, который превзошел всех других богов. Сатурн и Юпитер, отец и сын, представляются как единство и двойственность, одновременно и вместе. Здесь раскрывается сущность первого ребенка. Первенец оберегает входные ворота дома, так как он является связующей дверью между родителями и детьми.

* Подробное исследование всех связанных с этим вопросов можно найти в книге Карутца: “Загадка Януса”, (Базель, 1927).

Янус стоит во главе 12 месяцев года. Иногда он бывает представлен с посохом в одной и ключом в другой руке. Это и есть признаки перворожденных детей: они как оберегают, так и открывают двери человеческого развития и раскрытия.

Можно понять, почему это были именно римляне, которые как самого высшего бога почитали полный силы образ, символ первого рождения. История Римского народа во всей своей величине и во всех его успехах и достижениях является верным отображением успехов его первых детей.

Не греки — римляне были первенцами Европы. Оба перешли сюда из Малой Азии. Оба происходили из Трои. Римский сын является носителем внешней истории. Греческий сын, напротив, был исполнителем внутренней истории. Это происходило в века, предшествовавшие приходу христианства. И Янус, бог римского народа, был тем, кто каждого “дивис романус” наполнял гордым убеждением, что он был носителем тех же прав, которые по праву принадлежат каждому перворожденному.

Это продолжалось многие столетия, до того дня, когда новый перворожденный ребенок пришел в мир. “Встав ото сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал Ее. [Как] наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус”. (Матф. 1.24—25).

Несколькими днями позже с Востока прибыли три святых царя, которые направлялись звездой, чтобы приветствовать ребенка. Они принесли свои дары — золото, ладан и мирро, и положили их к ногам Иисуса, который с этого часа стал прообразом всех перворожденных детей.

Время Януса прошло. Через тридцать лет после того, как святые цари принесли свои дары, ребенок стал мужчиной. Теперь он стоял в Иордане рядом с Иоанном Крестителем и был крещен им. “И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, - и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него” (Матф. 3, 16).

Это произошло в месяце Януса — 6 января. Это вечная рождественская весть ко всем людям первого рождения. С этого исторического момента они несут в глубине своего сердца образ Первого Ребенка, который так страдал, чтобы стать для нас сосудом Святого Духа.

Так из Януса стал Иисус — как месяц Януариус породил День Епифании. С тех пор каждый, кто готов следовать Христу, может стать перворожденным в Духе. Он станет одной из опор, на которых лежит мост человечества. С тех пор и все преимущественные права первых детей будут взяты обратно и прекращены. Но только через много тысяч лет весть у Иордана станет понятной нам всем: “Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия” (Иоанн 3, 3).

Если это исполнится, то никакой человек не будет больше должен быть земным первенцем. Он будет подниматься до Первенца по Духу. Но это предоставлено внутренней свободе каждого рожденного женщиной, хочет ли он стать рожденным из Духа.

Второй ребенок

I

При попытке рассматривать социальные способности людей с точки зрения, какое место они как дети занимали в ряду их братьев и сестер, вначале мы ознакомились с качествами, характерными для единственных детей и первенцев. Мы узнали особенности в поведении единственных детей, а также что и первые дети в своем отношении к окружающему миру следуют определенным формам социального поведения. Первый ребенок, и это должно быть еще раз установлено, является “защитником”: “Защитником веры, традиции, и семьи”. Первый ребенок является хранителем прошлого от напора новых идей и их осуществления: Это интересно и поэтому ценно, чтобы быть упомянутым, что Альфред Адлер, основоположник индивидуальной психологии, который также попытался изучать влияние, которое имеет место в семье на развитие людей, пришел к подобным заключениям “Одна из его близких сотрудниц описала его выводы следующим образом: “Самый старший ребенок, по пониманию Адлера, обычно является зависимым, обычным ребенком, который придержива-

ется заповедей и сам обладает авторитетом. Своей защищающей, иногда по отношению к своим младшим братьям и сестрам немного властной манерой он помогает родителям. Но это не всегда только так. Может случиться, что старший ребенок настолько близко принимает к сердцу это свержение с престола, как называет это Адлер, вызванное рождением второго ребенка, что он настолько падает духом, что теряет всю веру в себя и больше не хочет принимать на себя никакой ответственности.

Но если родители бережно и с любовью помогают своему старшему отпрыску понять, что означает появление рожденного после него, так, что он может почувствовать, что он тоже должен внести свой вклад в благополучное разрешение ситуации, то, вероятно, он не потеряет мужества, а добросовестно будет выполнять задачи, вызванные его первородством*.

В этом описании действительно четко выражены некоторые из существенных признаков первого ребенка. И заключения, которые могут быть сделаны из этого, почти совпадают с теми, к которым пришли мы - абсолютно независимо от этого. Это, быть может, является доказательством того, что в наших взглядах, касающихся этих проблем, содержится частичка правды. Потому что Адлер подходит к этому вопросу совсем с другой стороны. Он попытался исследовать при-

* Филлис Боттоме: "Альфред Адлер, апостол свободы" (Лондон, 1939).

чины возникновения определенных психологических и невротических черт в характере человека. При этом он был приведен к тому, чтобы заинтересоваться также и положением, которое каждый в отдельности занимает в кругу семьи. Однако он еще не осознал, что позиция внутри семьи прежде всего оказывает влияние на позднейшее социальное поведение, остальные свойства же и виды поведения проистекают из других источников личности. Так различия характеров родных братьев и сестер он приписывал почти исключительно месту в родовом ряду. Но это является сильным преувеличением значения этого фактора, когда совсем не замечают многие другие факторы, которые являются определяющими для раскрытия личности. Здесь еще раз должно быть подчеркнута, что только социальное поведение ребенка - и ничто другое - определяется тем, каким по счету он родился.

Индивидуальная психология развивает и особые представления об образе 2-ого ребенка. Одно место из цитирующей выше книги говорит: "2-ой ребенок, по мнению Адлера, является мятежником. Он не охотно прислушивается к голосу авторитета; он будет с удовольствием подстрекать более младших братьев и сестер против старшего и против родителей, вместо того, чтобы попытаться влиять на них в смысле принятия существующего. Второй ребенок часто не считается с обычаем и приличием. В нем сидит первооткрыватель, пионер, который часто хочет прорваться в неизвестное."

Рожденный вторым, так можно было бы сказать, с рождения является современным человеком. При этом ему вообще не нужно быть более одаренным, чем все другие дети, но дарам, которые у него есть, он найдет целенаправленное и практическое применение, чтобы потом попытаться переиграть старшего. С другой стороны и образцовый старший ребенок может через блистательные свойства, которые он развивает, и предпочтительное положение, которое он занимает как первенец, задать такой значительный темп, что его последователь, просто из-за неуверенности, что сможет справиться с таким большим превосходством, отказывается от соревнования. Тогда он будет развиваться в особенно непослушного и трудного ребенка — или может просто не совладать с собой”.

Из этого представления ясно, что индивидуальная психология приписывает как 1-ому так и 2-ому ребенку одинаковые основные свойства. Оба они измеряются одинаковыми масштабами; общий основной мотив есть их стремление первым добиться “места под солнцем”. По мнению Адлера, 2-ой ребенок всегда наступает на пятки старшему, так что оба занимают гонкой не на жизнь, а на смерть. В таких образных представлениях могут быть узнаны разрушительные воздействия дарвинистских идей. Также и для Адлера жизнь обозначает беспощадную борьбу за отбор самого прилежного; это никогда не кончающаяся борьба, война, которая начинается уже в раннем детском возрасте, в кругу семьи.

Из моих же опытов и наблюдений следует, что социальные предрасположенности 1-ых и 2-ых детей разные по существу. 2-ой ребенок только изредка будет стремиться одолеть старшего брата или сестру в жизненном состязании. По природе своей он ни завоеватель, ни защитник. Он “2-ой” ребенок и из этой позиции он должен выполнять совсем другую задачу в сети человеческих взаимосвязей.

Эту точку зрения я хотел бы выделить как можно более четко. Место в ряду братьев и сестер не является результатом случайности, но для каждого из нас “ранг” его рождения выбирается по плану его судьбы, которая выстраивает его жизнь.

Должен существовать определенный план, по которому каждый ставится на 1-ое, 2-ое или 3-е место в родовой последовательности. Через эти ранговые порядки формируются межчеловеческие отношения. Но сама внутренняя природа отдельного человека подготовлена к этой данной судьбой позиции.

Это слишком примитивно, видеть в семье только беговую дорожку, на которой самый старший имеет самые лучшие шансы выиграть гонку, в то время как другие, за исключением второго, сильно отстают от него. Нет! Каждый ребенок, в соответствии со своим положением в родовой последовательности, должен выполнять особую задачу. И это наша задача, показать здесь связанные с этим свойства, истолковать их и тем самым помочь понять более глубокое значение места в ряду братьев и сестер.

Нарушения, например, наступают только тогда, если первому ребенку выпадают на долю задачи второго, или если 2-ой ребенок из-за смерти своего старшего брата вынужден занять его место. В этом могут часто крыться причины психологического или невротического поведения в общении с окружающим миром. Если 3-й ребенок останется на своем 3-ем, а 2-ой — на 2-ом месте, то все пойдет своим правильным ходом. И мы хотим вначале познакомиться с задачами 2-ого ребенка, чтобы понять его миссию в жизни.

Прообраз его существования уже есть в истории творения. В 4-ой главе Бытия описываются братья Каин и Авель. Каин был старшим, Авель младшим. Оба принесли Господу свою жертву. Жертва Авеля была принята, а Каина — отвержена. «И восстал Каин против брата своего и убил его, когда они были в поле». В этот решающий для всей человеческой истории момент были определены и раскрыты задачи первого и второго ребенка. Каждый первенец несет часть наследия Каина в себе. Каждый, рожденный вторым, наоборот, разделяет судьбу Авеля, а именно: он является богоугодным, но в структуре Земли он не совсем правильно определил свое место.

II

Библия описывает первую пару братьев всего человечества очень наглядным образом. Каин был крестьянином, а Авель — пастухом. Если мы попытаемся понять более глубокое значение

таких высказываний, то мы не должны довольствоваться объяснениями, что Каин был крестьянином, а Авель — пастухом овец. Библия хочет вызвать в читателе прообразы, которые могут возникнуть за такими высказываниями. Если Каин обозначен, как «земледелец», то в этом есть отзвук проклятия, которое было произнесено над Адамом при изгнании из Рая: «проклята земля за тебя, со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой». Этот жестокий приговор — проклятье, которое сопровождало изгнание Адама из сада Эдемского, переносится на Каина. Он должен взять на себя вину своего отца и дальше склоняться под ее тяжестью. Первенец становится носителем проклятия, которое лежит на отце. Каин должен обрабатывать землю, чтобы работой своих рук освободить ее от греха.

Авель, овчар, человек другого рода, он — друг и пастырь своего стада. Он живет с животными и разделяет их беззаботную жизнь. Мы можем легко представить его: сидя на бревне, вырезает флейту, затем посылает мелодию радости и благоговения в тихую красоту мира. Его сердце и ум наполнены чудесами этой Земли. Он любит деревья, и его взгляд следует за плывущими облаками.

Каин, который шагает за плугом, прокладывает борозды на земле. Его спина сторблена, и его плечи согнуты под тяжестью его судьбы,

которую он несет. Ему надлежит приковать себя к земле - узнать ее тяжесть и ощутить нужду этого материального мира. Он должен пахать, возделывать пашню, копать и сажать. Он добывает руду, он должен ее ковать и бить молотком, чтобы придать веществам Земли новую форму и переработать их в повседневный хлеб и сделать их пригодными к употреблению.

Авель, напротив, мечтатель. Он прислушивается к голосу своих настроений и чувств. Он следует за полетом своих мыслей и желает вернуться обратно на родину, из которой он однажды пришел. Его сущность не связана с землей, с ее нуждами и ее роком. Его стремление ведет его наружу и вверх в более высокие и более чистые поля бытия.

Каин трудится для преобразования земли. Задача Авеля преодолеть землю. Каин полностью отдан потребностям настоящего. Авель, думающий о прошлом, готовит будущее. Здесь лежит причина того, почему жертва Каина не была встречена благосклонно, в то время как жертва его брата была принята. Дело в том, что дом Каина на Земле и дым принесенных им в жертву фруктов и других даров отправили обратно к Земле, от которой он и поднялся. Жертва Авеля, напротив, принята, так как его родину нужно искать не на земле, а на небе. Каин смотрит на дым своей жертвы сверху вниз, Авель смотрит вверх, туда, где его жертва будет принята.

Однако Каин должен убить Авеля, чтобы проклятие, которое выпало на его отца, исполнилось. Через это он еще больше отдаляется от рая. Он продолжает путь, на который уже вступили его родители. В Авеле, напротив, исполняется глубочайшая тоска Каина - стремление, которое пронизывает каждое человеческое сердце, вернуться обратно в дом отца. Каин подобен блудному сыну, который должен уйти в мир, чтобы через это также исполнить Божью волю. Следуя этому послушанию, он убивает своего брата. Несмотря на это он остается сыном Божиим; поэтому его смерть, если его кто-то убьет, должна быть отомщена семикратно. «И сделал Господь на Каине знак, чтобы никто его не убил, кто его найдет»:

Каждый перворожденный ребенок несет эту печать Каина на своем лбу. Он обременен преступлением Каина, и воспоминание об этом глубоко спрятано в его подсознании. Иногда, однако, эти силы поднимаются; тогда убивается другой Авель. Потому что в глубине наших душ, как скрытые свойства, глубоко запечатлелись самые ранние поступки человечества.

Хотя Авель и гибнет от руки брата, он всегда остается его помощником. В каждом 2-ом ребенке подрастает новый Авель. Он несет в себе тоску по Царствию Божьему. Авель редко является борцом. Чаще всего он является искателем, мечтателем, поэтом, святым. Мирские дела его чаще всего не интересуют. Он живет с удовольствием, и не слишком напрягаясь. Существова-

ние — это не только работа, которую исполняют в поте лица своего; это также веселый нрав и радость, осчастливливающие открытия и благодатное удивление. Авель воспринимает вещи намного легче, чем Каин. В своем сердце он любит мир, так как он для него не представляет угрозу, как для Каина. У Авеля есть чувство юмора, и нужно, чтобы накопилось много разочарований, прежде чем возникнет в нем чувство горечи. Каин, напротив, легко становится беспокойным и сомневающимся. Он живет под влиянием долга; для него существование является постоянным обязательством, которое он постоянно стремится исполнять. Каин в каждом из нас не ищет досуга и удовольствия; он против свободного дня и беспечных прогулок по холмам и полям. Строгие правила и законы секты, как, например, у некоторых кальвинистов, проистекают из самой сути существования Каина. Горечь в сердцах их перворожденных основателей все еще отбрасывает тень строгого исполнения обязанностей на жизнь этих общин. Их помощники также называются «старейшинами»; помощники должны воспринимать состояние перворожденного и через это становиться детьми Каина. В искаженной и карикатурной форме здесь проскальзывает нечто, что собственно является одной из главнейших строительных форм дома человечества.

Ссоры и склоки, которые возникают между людьми, могли бы быть увидены в другом свете,

если бы участники знали об этих взаимосвязях. Насколько учитель, который является перворожденным сыном в своей семье, может сделать жизнь своих рожденных вторыми учеников пыткой, мучением! Просто потому, что он предполагает у них чувство долга, которого там и быть не может. Он предполагает серьезную склонность там, где вначале присутствуют только игра и радость жизни. Постоянно случаются ситуации, которые только потому ведут к враждебности между людьми, что Каин и Авель ссорятся друг с другом. И постоянно есть Каин, который убивает Авеля, и всегда последствия его деяния будут для него роковыми. Авель страдает; однако Каин должен переносить муки этого страдания. Авель получает удары, но это меньшее зло — терпеть их, чем их наносить. Каин бьет себя самого, когда он наносит раны Авелю; и все-таки он не может не делать этого.

Типичный пример этой вечной ссоры является разрыв, который произошел между Зигмундом Фрейдом и Альфредом Адлером. Почти 10 лет они тесно сотрудничали. Потом, однако, Фрейд, первенец, исходя из своей тиранической натуры, больше не мог переносить необремененную сущность Адлера. Каин и здесь убил Авеля, и тот покорно принял такую судьбу. Но в конце наиболее пострадавшим от этого оказался Фрейд, так как он не смог скопившуюся горечь преобразовать в прощение.

III

В последние годы одна простая книга* произвела на многих людей глубокое и непреходящее впечатление. Она рассказывает о простом без претензий детстве автора, которое он прожил в первом десятилетии этого столетия в Баттерси, предместье Лондона. Некоторое время я спрашивал себя, в чем лежит особенная привлекательность и чарующая красота этой автобиографии. «Над мостом» - это книга, полная понимания и предчувствия; прекрасная книга, которая касается важных вещей, и одновременно содержит глубокие наблюдения. Но, однако, одного этого было не достаточно, чтобы объяснить такое сильное воздействие на читателей.

Однако, совершенно неожиданно я открыл, что это было: это современная трактовка старой истории Адама и Евы и Каина и Авеля. И это был сам АVELЬ, который написал ее, так как Ричард Чёч, второй ребенок, который рассказывает нам о переживаниях своего детства. Чтобы действительно дать представление об этой книге, я должен был бы ее процитировать от 1-ой до последней страницы. Каждый должен прочитать эту книгу! Редко узнаешь так много о вечной драме, которая разыгрывается как наследие наших пра-родителей внутри нашей души. Редко были представлены более отчетливые образы Каина и Авеля.

Действие книги начинается в 1-ый день двад-

* Ричард Чёч «Над мостом» (Лондон, 1955).

цатого столетия с «2-мя маленькими мальчиками, которые в половине третьего пополудни с чрезвычайной осторожностью и пугливостью пересекают Баттерсийский мост. Их озабоченность вполне понятна, так как старший, мальчик 11 лет, с большим носом, карими глазами и желтоватой кожей, из-за которой он выглядел немного по-испански — нес в своих руках аквариум. Поэтому в этот момент он почти забыл своего сопровождающего, младшего брата, который следовал за ним обычно как тень и за которого он чувствовал себя вполне ответственным».

Этому младшему брату только что исполнилось 7 лет, и все последующие события мы видим его глазами. Он был другим, чем Джек, старший. Джек был так устроен, «что он все обдумывал заранее и ему нравилось, когда все в порядке. Поэтому он и сейчас так точно следил за каждым своим шагом, идя с опущенной головой и напряженным вниманием». Младший брат был скромным, застенчивым, нежным и замкнутым; только если не было вокруг чужих людей, он охотно болтал.

Этот маленький брат мучился редким недугом, который время от времени поражал его. Приступы приходили всегда в субботу вечером; и первая глава книги заканчивается наступлением такой атаки. Он описывает ее как хорошо известную боль, которая «охватывала меня время от времени, схватывала меня на спине как клещами, потом вращала ими, пока мой живот не становился одним извивающимся, полным муки комком боли».

Я упоминаю описанные здесь приступы потому, что они являются для второго ребенка типичным симптомом. Они могут наступать в разнообразной форме, в самых различных местах тела и во всевозможных одеждах. Это может быть приступ астмы, обморок, внезапный понос или все снова возвращающиеся воспаления горла.

Там речь шла о типичной форме реакции 2-ого ребенка, на сверхсильное давление на него окружающего мира. Он подвергается слишком сильному воздействию извне, как Авель был подвержен напору Каина.

В некоторой мере каждый раз повторяется убийство Авеля, когда наступают эти периодические боли и приступы рожденных вторыми детей. Единственная настоящая помощь приходит только от смягчающей руки матери. «Дрожа еще от силы этого приступа, потрясенный старым, знакомым врагом в моем истерзанном теле, я цеплялся за свою мать и не хотел ее отпустить. Но Джек появлялся за ней, с серьезным и участливым выражением лица; он отсылался нагреть утюг и принести флакон с одеколоном с туалетного стола в родительской спальне, которая выходила на улицу. В ожидании этих средств помощи мать сидела у моей кровати, говорила со мной и одновременно пыталась выколдовать боль через легкое массажирование». Теперь он достиг этого: мать только для него и только для него одного, и Джек — ее слуга и помогает утешить его. «Любимый, знакомый враг» в животе сделал это и ему это удалось.

Позднее, этим же вечером, когда брат приходит в спальню и ложится в постель, он описывает его следующим образом: «Ему могло бы быть скорее 100 лет, а не одиннадцать, таким серьезным и ответственным он мне показался; планирующий заранее, ничего не забывающий и не упускающий».

Я слушался его как услужливый адъютант, но гордился им и обожествлял его. Одновременно я был как бы непричастным и стыдился немного, что я мог удивляться, как он отдавался самым различным вещам: аквариуму, строительству локомотива, конструированию парусника. Я считал его почти волшебником, но ни в коем случае не хотел того же самого, что и он. Я был недостаточно терпеливым, чтобы использовать свои руки так, как он это делал своими». Ни одного более лучшего описания 1-го и 2-го ребенка не могло бы быть дано. «Я считал его волшебником!» — это подходит Каину и многим миллионам первых детей, которые следовали за ним. 2-ой ребенок однако «не хотел делать то же самое, что и он», так как он занят совсем другими вещами в жизни.

Учение давалось этому ребенку тяжело, а мечтание — легко. Он жил сильно в фантазии, которая, казалось, часто захватывала его. «Моя небрежность в мышлении начала становиться заметной. Она уже бросилась в глаза в школе и дома... Чего мне не хватало в сидах разума, я замещал через мою нервную восприимчивость. Я ощущал все как через кожу — как это делают

кошки... Еще хуже была моя лень обращаться с цифрами. Я уже опаздывал в постижении букв и слов, еще сильнее я отставал в понимании цифр и их взаимных связей...”

Этот ребенок жил в мире ощущений и чувств; в сказочном лесу, полном чудес и красоты. “Когда летними вечерами солнце косыми лучами светило через аквариум, впечатление было настолько потрясающим, что я стоял, готовый заплакать. Другие разы меня глубоко затрагивало, когда газовый свет ночью бросал бледный свет в сосуд с рыбами”. В это время выяснилось, что он был близоруким. Очки, которые он затем получил, открыли мальчику совсем новый мир. “До этого я рассматривал универсум, как хаотическую массу цветов и расплывчатых форм, теперь мне открылось, что в действительности многое выглядит более четко и определенно. В этом новом мире зрение и слух преобразовались в нового рода опыты. Они получили резкость и отчетливость, так что впечатления глаз и слуха одновременно устремлялись на меня и объединялись друг с другом. Как охотно я предавался этому!” И тогда случилось что-то, что имело для этого маленького Авеля большое значение: сразу после того, как он получил очки, родители однажды вечером взяли его с собой на природу, и тогда он обнаружил, в первый раз, звездное небо, светлые точки света с твердостью и ясностью бриллиантов, которые не покоятся где-то на бархатном заднем фоне, а свободно парят в пространстве; отчасти близко, отчасти далеко, в перспективе, которая

захватила у меня дыхание, и которая стала для моих только что полученных глаз как откровение. Я сам чувствовал себя возвышенным в великое событие на ночном небе. Я воспарил и мог бы раствориться вверху в пространстве, если бы один голос не позвал меня назад. Это был озабоченный выкрик моей матери: так как она обернулась, ища меня, может быть от нетерпения, что я не шел за ней, и увидела меня в состоянии наполовину без сознания, лежащим на спине посреди улицы”.

Теперь Абель снова нашел свою родину! Звездное небо явилось ему, и он был настолько потрясен этим новым открытием, что он через это одушевленное впечатление почти потерял сознание. С этого момента он быстро выучился чтению и углубился скоро во все виды книг. “Это была новая жизнь, которая началась для меня”. Когда он потом ходил в школу, он говорил об этом: “Только через чтение я нашел внутренний покой и веру в себя. Как только я выпускал книгу из рук и покидал одежду из слов, я чувствовал, как резкий ветер холодно дует на мою наготу; я мерз при этом в боязни и дрожании”.

Этот ребенок — подлинное изображение Авеля, в безлюбовно-удушливом окружении дома отдыха, в который его засунули для исцеления его желудочных болей, узнал, что “пространство и время являются иллюзиями, которые стоят в противоречии друг с другом и в лучшем случае представляют соглашение, но не закономерность... Одним зимним утром я стоял как преображен-

ный в присутствии этого прекрасного сопровождающего, имя которому Иисус, который через чтение Библии стал реальностью. К нему я повернулся, полный старания, чтобы доверить ему мои опыты и разделить с ним богатство, которое они для меня обозначали". После того как ребенок это познал, он обрел способность подниматься над землей одним лишь усилием воли и "парить на высоте примерно 20 сантиметров над уровнем пола".

Эта способность сохранилась у него во время его детства и молодости. Он получил власть преодолевать "притяжение" Земли. Он мог преодолевать силу тяжести и жить в сознании некоторых сверхестественных сил, которые сопровождали его. Он вполне осознавал одолженные ему дары. "Я почти стыдился их, как будто это было что-то, что я украл; это было как раньше, когда я начал писать стихи и при этом замечал, что мне на ум приходили строки, которые я не придумывал осознанно. Да и их я мог записывать только со стыдом. Но в обоих случаях переживания такого подъема, — как при сочинении стихов, так и при парении — я был чрезвычайно счастлив этому моему святотатству! В принципе я был убежден, что поручение к этому мне было дано более высокой рукой, как старой заповедью. Может быть, той же самой рукой, которая в таком изобилии посылает струиться сверху осеннее золото на кроны вязов".

Эта "старая заповедь" дает каждому второрожденному ребенку особенные силы духа, кото-

рые являются его судьбоносной наследственной долей. Он стоит ближе всех остальных рожденных на Земле к Царствию Божьему.

Это его преимущественное право, которое может стать для него опасностью: такой ребенок может стать через это возвышенным, однако и развращенным. Если это произойдет, он станет светилом или обманщиком. Быть вторым ребенком значит: идти по канату, который натянут между небом и землей. Сохранять равновесие между верхом и низом является существенным качеством второрожденного.

IV

Было бы чрезвычайно заманчиво начинать с описания разных форм этой вечной пары братьев. В истории человечества ее представители всплывают все снова и образуют одно из самых распространенных и самых известных явлений человеческих сообществ. Нам нужно только подумать об обоих братьях Гумбольдт. Старший, Вильгельм, был политическим деятелем, владел многими языками; он был также и выдающимся воспитателем и знатоком классической старины. Он стал основателем Берлинского Университета. Он был другом Гете и одним из самых достойных внимания участников Венского Конгресса 1815 года. Его брат Александр был, напротив, одним из самых успешных исследователей-путешественников своего времени: выдающийся ботаник и геолог одновременно. При

изучении истории их жизни мы имеем дело с другой современной трактовкой старой истории Каина и Авеля.

Потом есть братья Хауптманн; оба были известными поэтами. Но старший, Карл, всегда, на каждом шагу, чувствовал себя скованным славой и успехами своего брата Герхарда, и, таким образом, как бы отодвинутым в тень. В конце концов, он умер в горечи и отчаянии. Подобный пример трагической неудачи Каина разыгрывается в судьбе обоих братьев Ханса и Вальтера фон Моло. И здесь речь идет об одаренной писательской паре. Снова сияние младшего заслоняет старшего брата, он через несколько лет борьбы погружается в темноту тяжелой шизофрении.

Он живет в защищенности одного из лечебных заведений, пока он — вместе с десятками тысяч других — не пал жертвой “милостивых” методов борьбы, который национал-социализм вел против “не имеющей ценности жизни”.

Образ 2-ого сына несколько меняется, если первенец — девочка. Тогда усиливаются всегда уже с намеком присутствующие женские черты в характере Авеля, и может случиться, что из него получится довольно слабый и небрежный человек. Если, с другой стороны, разница в возрасте между ним и его сестрой не слишком большая, вполне может быть так, что в нем проявятся признаки перворожденного сына, и он переймет у сестры необходимость быть старшей. Обычно это не на пользу ни тому, ни другому. Сестра может стать несамостоятельной женщиной со

слабо выраженной личностью; мальчик может облачиться в свою собственную глаорию, так как он должен одновременно представлять как 1-го так и 2-го ребенка. Что-то подобное может случиться, когда перворожденный брат умирает, и 2-ой, его приемник, должен вступать в права перворожденного. Некий род ненастоящего сияния будет окружать его и затруднять раскрытие его настоящей сущности. Такие люди ведут себя так, как будто они Каин, но в действительности они Абель, и вся их жизнь протекает в длительном напряжении между его настоящим и его приемным “я”.

История Иакова и Исава является ярким выражением того, что может разыгрываться между 1-м и 2-м братом. Исав — человек глубокой древности. Его кожа еще как “волосьяное покрывало”, и он поглощен своими земными делами. Иаков — “простой человек, который живет в шатрах” и указывает на будущее. Он уже имел возможность развивать свои силы мышления, и поэтому ему удалось похитить у его брата Исава право первородства. Последующая жизнь Иакова — следствие этого двойного существования: 2-ой ребенок, который перенял задачу первого.

А как же обстоят дела с женской противоположностью? Можем ли мы найти прообраз второрожденной девочки? Она почти всегда несет одеяния совершенной сестры. Нечто живет в ее существе и в манере, которую она имеет по отношению к другим, что в чистой форме представляет образ сестринского бытия. Она — не жена,

не мать: для всех она является сестринской спутницей — мужчины ли это или женщины. Она — настоящий друг и товарищ.

Чаще она остается на заднем плане. У нее нет никакой потребности выделиться. Это не всегда должно происходить от скромности или робости в поведении. Даже второрожденная сестра может быть сильной личностью: только она более охотно останется за кулисами, чем покажется публике. Из этой скромности и сдержанной замкнутости может развиться настоящая тирания. Ее манера оставлять работу, лежать, станет недвусмысленным выражением ее отказа. Ее «бессильное сопротивление» является тогда еще более сильно действующим средством настоять на своем, чем если бы это было открытое и активное сопротивление.

В любой общности, в тесном или широком кругу семьи, — на фабрике и в бюро, в религиозной общине и в общественной жизни, — второрожденные девочки и женщины имеют свои важные задачи. Энергичные и полные понимания, уступчивые и тиранические — их можно узнать в любого рода одеянии. Но всегда, — где бы то ни было, — они олицетворяют вечный прообраз сестры: женщины, которая является спутницей мужчине, однако, не женой и не матерью.

За этими второрожденными детьми женского пола всплывает тот же образ, какой мы нашли и для второрожденных братьев. В одной из самых прекрасных книг о греческом мире богов, «Боги Греции» Анри Боннара, эта богиня описана сле-

дующим образом: «Она любит бродить по лесам и путешествовать по вершинам гор, овеваемых ветрами. Она любит также общаться с дикими зверями, которые никогда не были приручены человеком.

Это ее игры детства, непорочные, сдержанные мысли пускающей ростки юности. Она настолько же прекрасна и пуглива как звери леса, неприрученная дева, к которой еще никто не приоткрылся и не укротил.

Она чиста и холодна как лунный свет, который указывает охотнику тропинку через чащу. Мягко или жестоко, но ее стрела попадает точно в цель.

Она — богиня дикой природы, девственных тел и сердец, которые ничего не знают о страстной любви».

Эти слова описывают внутреннюю сущность Артемиды. В этом образе живут некоторые существенные черты второрожденной девочки. Но у Артемиды было много лиц. Ее культ и ее почитание были распространены на Ближнем Востоке и всех побережьях Южной Европы. В сотнях храмов почитались различные черты ее являющегося образа и многоликость ее сущности.

Те же самые различия проявляются и у второрожденных девочек: в глубине их существа они все «артемиды». Так как Артемиды была прежде всего «сестрой». Ее мастером и господином был брат Аполлон, которому она — не служила ему — была спутницей. Поэтому сходство с Артемидой можно найти наиболее отчетливо там, где сестры

имеют старшего брата. Если же первенец — сестра, то 2-ые сестры часто развиваются в холодных малочувственных женщин. Тогда из них получаются учительницы и старые девы, если с ранней юности им не помогут преодолеть имеющуюся чопорность.

Но все это только заблуждения, которые могут случиться. Во многих вторых по возрасту сестрах присутствует спиритуальное, иногда прямо-таки ангельское усердие на службе у другой. Тогда они становятся приносящими себя в жертву медсестрами, учительницами, врачами и попечительницами, которые хотя и не играют первую роль, но их достижения и их исполнительность в делах являются для общества незаменимыми.

Авель несет в себе непосредственную связь с духовными мирами. В Артемиде эта предрасположенность приводит к глубокой связи с чудесами и красотой всего существования. Авель — представитель духа в человеке; Артемиде — благовестница человеческой души. Ни Авель, ни Артемиде не рождены для повседневной жизни. Они намного больше принадлежат временам праздника, особым случаям и значительным событиям бытия. «Серая повседневность» чужда им. Они охотно вдаются туда, где нужна их помощь и признаются их достижения. Однако они сохраняют первоначальную связь с царством, откуда они пришли. В действительности только перворожденные дети являются законными жи-

телями Земли. Вторые сестры и братья здесь только в гостях. Для них Земля нечто иное, как временное место жительства.

V

В предыдущей главе мы обозначили первенцев как «опоры моста, по которому шагают другие люди». Если мы теперь преобразуем образ в храм, в котором молится все человечество, тогда первые дети это те, которые постоянно заняты тем, чтобы закладывать фундаменты этого храма и сохранять их. Это строение человечества основывается на работе первенцев; на том, что они терпят на Земле и переносят в переживании земных нужд. Вторые же дети образуют колонны и архитравы этого храма. Они опираются на фундаменты, которые заложили их старшие братья и сестры. Сами они устремляются вверх и несут крышу — смысловой образ неба, который образует над нами свод. В этом образе мы можем понять и узнать первых и вторых детей, что обе эти группы людей нуждаются друг в друге, чтобы мочь действовать друг с другом и друг для друга. Не только то, что они для себя нуждаются друг в друге: вместе они строят храм человечества.

Только шаг за шагом в ходе истории эти различия станут для нас осознанными. Это то знание, которое именно сегодня имеет особое значение. В последние 40 лет, — с конца второй мировой войны, — наступил быстрый распад семьи —

самого важного звена нашей социальной структуры. Семья, как форма, разрушается и размывается изнутри и снаружи. Как и другие устаревшие образования она распадается. Эта единственная оболочка нашего детства и хранитель моральных устоев находится в состоянии упадка.

Является ли это неизбежным процессом? Идет ли речь лишь об устаревшей форме, которая идет навстречу распаду? Или это только временная перестройка, которая похожа на гусеницу, прежде чем она из кокона в преображенном образе развивается в бабочку?

Многие учреждения, которые до сих пор функционировали исправно, сегодня уже этого не могут. Это особенно относится к социальным сферам человеческого общества. Действие друг в друге родителей и детей, взаимоотношения братьев и сестер, доверительное отношение между мастером и слугой, между шефом и его подчиненными в широком смысле закончилось. Колесный передаточный механизм взаимодействия внутри человеческого социального порядка движется с трудом и уже почти остановился. Все вокруг кишмя кишит оплачиваемыми и добровольными помощниками, которые делают все возможное, чтобы хоть как-то поддерживать его на ходу; но на самом деле из-за этого становится еще хуже.

Социальные работники, профессионально подготовленные попечительницы, молодежные лидеры, консультанты по браку и профессии, ведом-

ственные и районные врачи, окружные сестры и многие другие — целая армия готовых к действию помощников, которые работают под белым флагом помогающей любви — пытаются содержать в порядке колесный передаточный механизм средствами, которые есть у них в распоряжении. Но в моменты спокойного обдумывания каждый из них спрашивает себя: как долго это еще продлится?

Что долгое время было возможным как будто само по себе, все больше становится делом осознанного благоразумия и мыслительного понимания. Миллионам людей необходимо заново научиться понимать, что значит быть отцом или матерью, создавать семью, заботиться о детях и хорошо общаться со своими соседями.

Понять значение места в ряду братьев и сестер, значит осознать те вещи, которые раньше действовали только на уровне инстинктов. Здесь речь не идет о психологическом или психоаналитическом узкоспециальном исследовании. Это проблема не только для представителей социальной науки и статистиков, хотя именно в этой области могло бы быть собрано намного больше материала. Понимание этого феномена должно быть важным для каждого, кто занимается действительной наукой о человеке.

Образ и построение человечества как целого должны изучаться в своей закономерности, только тогда может быть достигнуто понимание значения последовательности рождения братьев и сестер внутри семьи. Быть единственным или

первым, вторым или третьим ребенком — приносит с собой задачи, которые сопровождают нас, людей, с начала до конца нашей жизни.

Вообще неправильно было бы утверждать, что мы все с рождения равны. Это неправильно потому, что каждый из нас стоит на другом месте в родовом ряду. Должны ли мы самим фактом рождения принять на себя судьбу Каина или Авеля, Януса или Артемиды, означает в каждой отдельной личности большую разницу. Большого и большего понимания этих различий будут требовать от нас грядущие времена.

Третий ребенок

I

Итак, кажется очевидным, что каждый человеческий ребенок, — несмотря на то, что он принадлежит к человечеству и бывает мужского или женского пола, — через свое рождение получает запечатленным еще и третий признак: свое место в ряду братьев и сестер. До сих пор вряд ли осознавали глубокое значение этого порядка. И все-таки он имеет для каждого человека самое решающее значение и определенным образом подготавливает его к задачам, которые он должен исполнить на Земле.

Рождаемся ли мы мужчинами или женщинами, это дает ходу нашей жизни с самого начала определяющую линию. Мы знаем это и должны вести себя в соответствии с этим. Разделение на оба пола является для нас чем-то самим собой разумеющимся, и мы принимаем его как естественный порядок существования. Это разделение живущих действует также и в остальных царствах природы, в мире животных, в мире растений. Действительно, нет ни одной сферы жизни, ни одной манеры поведения и ни одной органической формы, которая бы не несла печать этой разделенности.

Порядок родовой последовательности — следующий фактор, который в судьбе индивидуума играет выдающуюся роль. Хотя это действие не откладывается так глубоко в нашей всей сущности, как это имеет место с различием полов. Также нам неизвестны телесные признаки, которыми отличались бы друг от друга перво-, второ- и третьерожденные дети. Но течение наших эмоций и реакций находится под существенным влиянием этого рангового порядка.

Но вначале может быть интересно получить первое обозрение о количественном соотношении 1-ых, 2-ых и 3-х детей. Соответствующие результаты вначале будут действительно различными, смотря по тому, какую группу людей будут исследовать. Городское население во многих отношениях будет отличаться от деревенской общины; у итальянского сельского населения будут найдены другие соотношения, чем в большом городе, как Стокгольм или Копенгаген. Совсем следует умолчать о примитивных социальных обществах, какие существуют где-то в Африке или Индонезии, где люди еще живут племенами.

Однако мы можем составить себе первое представление об этих цифровых соотношениях, если мы исследуем где-то смешанную группу учеников. Я выбрал группу, которая состоит из 264 детей и молодежи в возрасте от 5 до 18 лет. При этом речь идет о школе в среднем по величине немецком городе. Общее количество образуется из 128 девочек и 136 мальчиков. Их раз-

деление по родовой последовательности исходит из следующей здесь таблицы:

Очередность рождения	Единствен. ребенок	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Шестой	Седьмой	Восьмой
Мужской	18	36	43	17	16	5	1	—	—
Женский	24	29	36	24	10	3	1	—	1
Вместе	42	65	79	41	26	8	2	—	1

Очень поучительно рассмотреть эти цифры поближе. Вначале само собой разумеется, что 1-ые и 2-ые дети в подавляющем большинстве. 54 % — это больше, чем половина общего числа; это можно было предвидеть. Но бросается в глаза, что это больше второрожденные чем перворожденные дети! Можно было предположить как раз противоположное, что будет больше перворожденных, чем вторых детей. Но оказывается, что это не так! Конечно, каждому второму ребенку должен предшествовать первенец — иначе не было бы второго ребенка. Можно только предположить, что некоторые из первенцев уже закончили школу, или может быть посещают другие школы. В любом случае, однако, в исследуемой нами группе второрожденных больше всего.

Далее интересно, что количество единственных и третьих детей почти соответствует друг другу. В нашей группе мы имеем 42 единственных и 41 третьих детей. Еще значительней мне кажется количественное соотношение полов:

среди единственных детей значительно больше девочек чем мальчиков, и то же самое повторяется у третьерожденных. В обеих группах соотношение девочек к мальчикам — 57 % к 43 %. У перво- и второрожденных это численное соотношение почти обратное.

Начиная с 4-го ребенка, цифры заметно снижаются; у 5 и 6 детей доля уже минимальная. Это дает первый взгляд в процентное распределение родового порядка внутри городского населения на европейской суше.

В выбранной группе взрослых, которая состоит из 38 мужчин и 68 женщин, я нашел 36 перво- и 30 второрожденных. И здесь эти оба места рождения образуют больше чем половину (62 %) общего числа исследуемых. В той же группе было 15 единственных и 19 третьих детей, и небольшой остаток из 6 лиц распределен на следующие родовые ранги. Также и здесь третьерожденные и единственные дети в численном отношении находятся в равновесии. Также и распределение полов в обеих группах похоже на приведенные вверху результаты.

Из этого мы можем заключить, что в целом, пожалуй больше чем половина настоящего населения состоит из перво- и второрожденных. Примерно треть состоит из третьерожденных и единственных детей, где-то в равных частях. Остальные, — не больше чем 1/6 часть от общего числа, — занимают все остальные ранговые ступени родовой последовательности.

С большой осторожностью и сдержанностью

можно предположить, что среди 120 людей можно ожидать примерно следующее разделение:

- 20 единственных детей;
- 32 перворожденных;
- 32 второрожденных;
- 20 третьерожденных;
- 8 рожденных на 4 месте;
- 8 распределяются на остальные ранговые ступени.

Из этого расположения четко вытекает главная доля, которую занимают оба первых места в родовой последовательности. Так как все единственные дети одновременно занимают ранг первого рождения, то среди 120 людей существует: 52 перворожденных, 32 второрожденных и 20 третьерожденных. Небольшое остающееся число распределяется на все оставшиеся рождения. Это дает определенную картину распределения социальных способностей людей внутри каждой общности населения.

До сих пор мы описывали значение 1-го и 2-го места в родовом порядке. Мы хотим еще попытаться приблизиться к природе 3-го ребенка.

II

Из наблюдений до сих пор исходило, что 3-й ребенок в численном отношении держит равновесие с единственным ребенком. Но и по харак-

теру и по его отношению к окружающему миру он, по крайней мере, настолько же проблематичен, как и единственный ребенок. Можно сказать, что между первыми двумя детьми и третьерожденным лежит как бы огромная яма. 1-ый и 2-ой ребенок в семье принадлежат друг другу, как бы различны они порой ни были. Их судьбы тесно взаимосвязаны, их симпатии и антипатии также настроены друг на друга.

Третий ребенок, наоборот, часто аутсайдер. Оба первые только что начали ориентироваться, настраиваться друг на друга и делить свою жизнь друг с другом, когда внезапно появляется чужак, который ищет, как проложить путь в их уже имеющую место общность. Одиночка, который противостоит обоим другим. Оба первые имели достаточно времени узнать друг друга. Они более или менее научились уживаться друг с другом и принимать друг друга, как имеющий место факт. И теперь непредвиденно появился новый пришелец! Вполне естественно, что оба первых разворачиваются против 3-го единым фронтом.

Так 3-й ребенок, с самого начала, своего рода чужак. Исходная ситуация для 3-го ребенка выглядит примерно так: есть довольно далеко удаленная сфера родителей; потом следует следующий слой, который занят обоими старшими братьями и сестрами. И наконец, остается 3-й ребенок, который схож с единственным ребенком, так как он вначале одинок. Его положение становится особенно сложным, если с рождения 2-го ребенка прошло достаточно много времени.

Но даже если это только 2 года, все равно печать аутсайдера остается на этом новом пришельце.

Как правило, 3-й ребенок может постепенно влиться в общество обоих старших братьев и сестер. Он даже особенно постарается и не оставит ничего неиспробованным, чтобы завоевать благосклонность и стать равноправным партнером. Однако, если у 3-го ребенка немного борцовских качеств, то он останется позади других и будет более охотно изображать обиженного, чем утвердится среди них.

В этом уже можно узнать два основных свойства третьих детей. Они чувствуют себя отделенными, иногда почти как отрезанными от всех остальных людей. Однако, это чувство отделения другого рода, если мы сравниваем его с переживанием одиночества единственного ребенка. Последний всегда умеет сохранять определенную дистанцию. Он же стоит выше, чем другие: первенец со своими особыми качествами. Одинокое состояние 3-го ребенка напротив другое: у него есть привкус неполноценности. Ребенок стремится занять свое место среди других, но не избавляется от ощущения, что они не придают ему никакого значения и не видят никакой ценности в его существовании.

Многие люди страдают от этого чувства неполноценности; но у них эти переживания появляются только время от времени и потом снова исчезают. У 3-го ребенка напротив это ощущение живет как основной тон его социального

поведения. С самого раннего детства он находится в сложной жизненной ситуации: он — часть семьи, но все-таки не в полной мере. Он одновременно внутри, но все-таки и снаружи. Он очень хотел бы быть в такте с другими, быть им ровней и все-таки в полной мере это ему никогда не удается.

Отсюда понятно, что такое положение ведет к комплексной натуре, которую мы встречаем у всех 3-х детей. Большое недоверие по отношению к другим людям устанавливается у них. Они чувствуют себя обойденными или отверженными и могут реагировать на это двойным образом: или они уходят в себя и воздвигают стену или даже каменный вал против враждебно настроенного против них мира. Или они собирают все свои силы, вырываются и пытаются силой завоевать то, что им иначе не было бы дано.

Великие святые находятся среди третьерожденных. Но и искатели приключений и особенно отважные солдаты и полководцы. Такая личность как Игнатий фон Лойола, основатель ордена иезуитов, который первоначально был отважным офицером, вполне возможно был третьим ребенком.

Другой, типичный пример — кронпринц бывшей австрийско-венгерской монархии, эрцгерцог Рудольф фон Габсбург. Ему предшествовали две старшие сестры, прежде чем родился он (1858). У него было несчастливое детство, и он сильно страдал от строгости законов, под которыми должны были склоняться члены габсбургской

династии. Он был рано созревшим ребенком, который очень хотел угодить другим и стремился заиметь много друзей. Но строгость его отца Франца Иосифа и беспорядочный образ жизни его матери Елизаветы все больше подталкивали его занять позицию защиты. Он был убежден, что все люди его отталкивали и презирали. Его очень современные, прогрессивные мысли о политике, которые он излагал в сочинениях и меморандумах, не находили понимания; таким образом, он попадал во все большую изоляцию. Ему также не удалось найти правильное отношение к своей жене, и, в конце концов, он через самоубийство положил конец своей жизни. Он влюбился в новую баронессу; оба решили умереть вместе. Он застрелил любимую и несколькими часами позже — самого себя.

У многих третьих детей наступает такой внезапный перелом в их жизни. Некоторые из них умирают молодыми, причем внезапным и часто неожиданным образом. Не только потому, что даль и одиночество вокруг них. Они имеют гораздо более глубокое отношение к смерти, чем это имеет место у 1-х и 2-х детей. Именно им смерть кажется намного ближе чем всем остальным людям.

Один из ведущих политиков нашего времени имел 3-х детей. Старшая, дочь, замужем и тоже имеет 3-х детей. Второй — сын; он — морской офицер и также женат. Третий ребенок — снова дочь, которая отставала в развитии с рождения. Она не могла получать нормального школьного

обучения и всегда выглядела несколько худой и нуждающейся. В возрасте 18 лет она умерла.

Известный биолог наших дней имел семью из 4-х детей. Первые 3 — дочери. Потом пришел, с некоторой дистанцией, еще один сын. Старшая дочь замужем и тоже имеет 2 детей. Вторая — не замужем; она красивое явление, очень самостоятельная и работает в киностудии, 3-я дочь была нежной и должна была носить очки. Она тоже вышла замуж; но после смерти ее мужа она вернулась обратно в дом родителей, где с тех пор она помогает своему отцу. Сын пошел по пути отца; он, как четвертый, является первым ребенком.

Я знал одну семью с 3 дочерьми. Они были рождены с разницей в 2 года каждая. Первые обе в детстве понимали друг друга хорошо; однако третья была для них «малышкой», которая часто была исключена из их игр и интересов. Старшая вышла замуж, и хотя ее замужество было ошибкой, она оставалась до смерти ее мужа с ним. Сама она умерла несколькими годами позже. Вторая дочь была художницей, она отошла от семьи, чтобы вести свободную жизнь; она порвала с традициями прошлого. Третья, еще юная девочка, была интроспективной и умерла, еще не достигнув полных 17 лет. Она стала жертвой эпидемии и единственной в ее семье, которая умерла от этой болезни.

Я вспоминал и о другой семье. Оба первых ребенка были девочки, третий — сын. Старшая

дочь — обычный человек. Она вышла замуж за мужчину, которого очень ценили ее родители. Вторая с раннего детства развилась в самостоятельную личность. Она училась и стала значительным детским психологом. Третий ребенок, мальчик, с раннего детства был трудным и обращенным в себя. Молодым человеком, 18-ти лет, он присоединился к политически-революционному движению, был замешан в незначительном террористическом покушении и совершил, когда его должны были арестовать, самоубийство.

В другой семье с 3-я детьми старшая была совершенной радостью своих родителей. Она была очень одаренной девочкой, и ей предсказывали значительную карьеру. Однако она умерла от страшной болезни, когда ей еще не было 20 лет. Второй — сын, который был вынужден занять первое место и должен был глубоко страдать от этого раздвоенного положения. Третья — снова дочь. С рождения она имела тяжелое увечье органа чувств и поэтому долго держалась на заднем плане, хотя она блестяще сдала экзамены. Она страдала сильными чувствами неполноценности и смогла с запозданием, но зато очень самоотверженно, реализовать в себе полноценную личность.

Это некоторые типичные примеры из жизни 3-х детей. Из этого можно увидеть сложную predisposedность и редкие судьбы, которые связаны с этим местом в родовом ряду.

III

Третий ребенок является личностью, которой очень трудно дается достижение желаемой цели. Часто она быстро развивается в полный цветок, но также быстро вянет и уходит внезапно. Третий ребенок часто полон обещаний, которые однако исполняются редко. Третьерожденные в их стремлении заходят слишком высоко и тогда им не хватает времени, чтобы его осуществить.

Великий социальный реформатор Роберт Оуэн был таким же 3-им ребенком. (Он был 6-м в семье из 7-ми детей, и поэтому стоял на 3-ем месте родового ряда). Всю свою жизнь он посвятил стремлению к цели, которая простиралась слишком высоко; его героические и великие старания закончились полной неудачей. Его грандиозная социальная попытка в Нью-Лапарке, его община «Новая Гармония» в Америке и многие кооперативные социальные организации часто распадались через несколько месяцев или уже прежде, чем они начинались. И все-таки грандиозные устремления Оуэна не пропали зря, так как семена, которые он посеял, начали, даже если в более позднее время, всходить. Его реформы в педагогике и социальной работе, основание медицинских страховок и кооперативного движения в конце концов принесли прекрасные плоды и стали живым памятником делу этого настоящего Филантропа.

В Роберте Оуэне нам также встречается и другая важная черта в характере третьерожденных. Он был человеком будущего. Идеи и фан-

тазии, которые им двигали, не были заблуждением; только время еще не созрело для их осуществления. Но он этого не осознавал. Как часто он провозглашал, что тысячелетняя империя уже через несколько месяцев разрушится! И он не мог представить, почему его мысли не смогут привести страну уже через несколько недель к социальному перевороту. Пропасть между идеалом и реальностью в существовании 3-х детей особенно велика. Это внутреннее противоречие становится для них роком.

Другим известным 3-им ребенком была святая Тереза. Она была 3-им ребенком. Все девятнадцать детей были дочерьми. Четверо из них умерли еще в младенческом возрасте и раннем детстве. Оставшиеся 5 сестер все были монахинями; самая младшая умерла в 42 года как настоящая святая. О своем детстве она сама говорит: * «Я была чутким и преданным существом и я легко бы могла раствориться в моей склонности к другим людям, если бы рядом оказался кто-то, кто понял бы глубину моих ощущений. Я пыталась, естественным образом, подружиться с девочками моего возраста, особенно с двумя. Мне они обе очень нравились, и я им тоже, насколько они способны к этому. Но любовь, которая достается нам от других людей, она же настолько ограничена, настолько ненадежна! Потребовалось немного времени, чтобы я поняла, насколько мало они меня понимают». Это типичные побуждения 3-го ребенка. Чувство надежности в сосуществова-

* Alle Angaben und Zitate sind dem Bude «Autobiography of a Saint» (London 1958) entnommen.

нии с другими людьми иногда настолько велико, что оно кажется непреодолимым. Но тогда прокладывается дорога внутрь, и иногда она ведет к тому, что раскрывается святой человек. Однако намного чаще развивается неудовлетворенная личность, которая находится в горьком конфликте со своим окружением.

Святой Терезе стоило больших усилий внутреннее умиротворение. Надменность и презрение к другим часто овладевали ею. Своей духовной матери она однажды написала: «Нет, я отворачиваюсь, полная презрения, и ищу свое убежище у Иисуса, которому я говорю, что я готова защищать учение о Царствии Небесном до последней капли крови. Ну и что, что здесь на Земле я ничего не могу открыть от такой красоты; если это поможет бедным грешникам увидеть ее в вечности? Хотя испытание, которое мне положил Господь, забирает всю радость к жизни у меня, я могу Вас заверить, что все, что Он мне делает, является для меня только осчастливливающим».

В этих словах раскрывается ее старание преодолеть природу 3-го ребенка. Она пытается не следовать негативному настроению, а преобразовать его в добродетель. «Ну и что, что я здесь на Земле не могу ничего открыть от такой красоты!» — восклицает она — в самой глубине своей души она слишком хорошо знает, как сильно она стремится к этой красоте.

Другой 3-ий ребенок, который родился в совсем других условиях, но тем не менее обнаруживает сходства с маленькими святыми — это

самая младшая сестра известного скрипача Йехуди Минухина*. Он — старший из 3-х детей. Его сестра Хефциба моложе его на четыре года, и годом позже родилась 2-я сестра Ялта, как 3-й ребенок. Все детство она пыталась приблизиться к старшим брату и сестре и догнать их. Рассказывается типичный маленький случай: Когда Йехуди было 8 лет, он поехал со своей матерью и обеими сестрами в Нью-Йорк, чтобы там учиться игре на скрипке. Друг семьи пришел на вокзал и «отвел его в сторону. Он призвал его быть дружелюбным к Ялте, так как он открыл в нем склонность союзничать с Хефцибой против маленькой сестры». Это характерно для судьбы 3-го ребенка.

Не только Йехуди был вундеркиндом в своей семье — но и его обе сестры были очень музыкальными и уже как дети блестяще играли на пианино, особенно Хефциба. «Маленькая Ялта утверждалась наряду с обоими старшими детьми, даже если ее старания были несколько необычными. Чего ей не хватало в точности, она заменяла всевозможными театральными идеями и импровизациями, которые доставляли Йехуди и Хефцибе большое удовольствие или приводили в удивление. Таким образом, она пытается добиться, чтобы ей позволили стать в один ряд со старшим братом и сестрой».

Другая характерная сцена — следующая: «Обед был отведен для разговоров за столом, в

* Alle Zitate sind dem Buche von R. Magidoff: «Yehudi Menuhin». (London 1956) entnommen.

которых восьмилетняя Хефциба особенно выделялась, выказывая при этом блестящий дар общения. Ее самой непочтительной слушательницей была младшая сестра Ялта, которая редко упускала возможность сделать ироничное замечание... Время от времени Ялта пробовала и свои силы в рассказывании собственной истории, которую она сочиняла на ходу, но при этом она часто запутывалась в противоречиях и путалась в потоке ее собственных слов”.

Здесь снова становится отчетливым нечто, что значительно для 3-го ребенка. Ялта не только пытается при рассказывании историй делать то же самое, что и старшая сестра, она хотела бы в этом еще и перещеголять ее. Поэтому ее мысли и слова сбивались, так как у нее было стремление, как можно быстрее прийти к цели. Как последствия этого преувеличенного усердия она бежит слишком быстро, спотыкается и падает. Многие третьи дети пробуют подобное: слишком быстро бежать по жизни! Они тогда остаются лежать усталыми и изнуренными на краю дороги.

Мы можем приводить пример за примером, обозначая существенные черты 3-го ребенка. Но возможно более важно вначале дать общую картину жизни третьерожденных. Их природа очень сложна, и мы только что видели, что она может развиваться в разных направлениях. К святому, к герою, к разочарованному презрению других людей, к пионеру или значительному художнику: все эти возможности заложены в 3-м ребенке. Но редко его жизнь будет протекать мирно и

размеренно. Третий ребенок никогда не будет доволен своими успехами; он стремится все дальше и все выше над собой.

Возникает образ из греческой мифологии: Фаэтон, сын Гелиоса. Он просит своего отца разрешить ему только в течение одного дня управлять солнечной колесницей в ее движении по широкому небу. После долгого размышления Гелиос разрешает и Фаэтон садится на колесницу. Но его силы не хватает, чтобы усмирить солнечных скакунов. Кони понесли, слишком приблизились к Земле, и поэтому мир погрузился в пламя. Сам Зевс вынужден был вмешаться, чтобы предотвратить катастрофу. Молнией, как копьем, он поражает Фаэтона, который падает в реку Эриданос и погибает.

Этот рассказ является как бы прообразом судьбы третьерожденных. Они ставят себе слишком великие цели, которые превосходят их силы; внезапно и часто непредвиденный конец решает тогда их благородную, но трагическую судьбу.

Есть еще другой образ, который соответствует, как притча, сущности 3 ребенка. В истории творения это звучит так: “И познал Адам еще [Еву], жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф, потому что, [говорила она], Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин. У Сифа также родился сын, и он нарек ему имя: Енос, тогда начали призывать имя Господа [Бога]”. (Бытие 4.25)

С этим 3-м сыном Сифом началась новая глава человеческой истории. Он стал праотцом всех родов до Ноя, который пережил Потоп. Каин

был первым, Авель — вторым и Сиф — третьим. Одна из самых прекрасных старых легенд рассказывает о Сифе, имя которого Библия лишь упоминает. Эта легенда рассказывает, что Сиф, — полный жалости к своему старому отцу Адаму, который страдал тяжелой болезнью, — отправляется в путь, чтобы найти врата в Рай. Он достигает их и может войти. Там он получает три семени, которые были взяты с дерева жизни. Он несет этот драгоценный подарок обратно на родину. Когда Адам умирает, он кладет эти три семени под язык своего отца. Из его могилы потом вырастает дерево, из которого был сделан посох Моисея, колонны Соломонова храма и, в конце концов, изготовлен крест Голгофы.

Фаэтон и Сиф родственные типы. Фаэтон, однако, хотел управлять солнечной колесницей, то есть, оказаться на месте своего отца Гелиоса; он погибает. Сиф, напротив, ощущает жалость к своему отцу. Он ищет Рай и находит его. Возвратившись оттуда, он держит будущее человечества в своих руках. Он опускает семена в почву прошлого, — под языком своего отца, — и этим способствует освобождению человечества.

Фаэтон и Сиф, оба являются подготовителями путей будущего. Один не достигает исполнения своего стремления; другой доходит до цели потому, что берет сам себя в руки. В обоих проявляется судьбоносное назначение 3-го ребенка. Фаэтон подвластен своей судьбе, однако Сиф может, через преодоление самого себя, стать мастером своей собственной судьбы.

IV

С описанием 3-го ребенка мы подошли к концу наших размышлений о родовой последовательности. Есть четыре основные типа детей и, соответственно, четыре типа людей, с точки зрения их социальной предрасположенности: единственный ребенок, первенец, второй и третий. Также как и единственный ребенок является только особым случаем первого, так и третий может иметь в себе особенность быть последним ребенком: последыш, который часто занимает в семье особенное место. Он становится тогда избалованным и любимчиком, который часто через это становится испорченным. Но он может также преодолеть и преобразовать свою судьбу. Тогда он, — похожий на мальчика с пальчик, — завоеует мир.

4-ый ребенок — как издание карманного формата первого ребенка, и социальные свойства 5-го и 6-го ребенка снова похожи на свойства 2-го и 3-го. Последующее рассмотрение дает обзор соответствия внутри ряда братьев и сестер.

Единств. ребенок	Первый	Второй	Третий	
	Четвертый	Пятый	Шестой	
	Седьмой	Восьмой	Девятый	
	Десятый	Одиннадц.	Двенадц.	
	и так далее			Последний ребенок

Из этой таблицы можно четко увидеть членение родовой последовательности для всех детей. Важно знать, что начиная с 4-го ребенка признаки первых трех братьев и сестер повторяются. 4-й ребенок связан традицией, подобно 1-му; 5-ый — беспечный, как и 2-й; и 6-й или 9-й в любом виде соответствует третьерожденному.

У более поздних детей существенные черты не так четко выражены, как это имеет место у первых трех. Поэтому жизненные пути более поздних сыновей и дочерей больше не позволяют узнать их так четко как у трех рожденных первыми детей.

На сцене жизни первые трое чаще будут играть главные роли, в то время как все остальные находятся больше на заднем фоне. Они образуют статистов и хор; до главных исполнителей они поднимаются весьма редко.

Но иногда кто-нибудь из них непременно нарушит правило, чтобы пробиться до самых высоких вершин человеческих достижений. Так Вольфганг Амадей Моцарт был 7-ым ребенком, св. Тереза — девятым. Сестры Эмилия и Анна Бронте, — известные поэтессы своего времени, — стоят на 5-м и 6-м месте их ряда братьев и сестер. Однако это исключения, которые подтверждают правило.

Представленные здесь три формы человеческого бытия образуют три прообраза нашей социальной судьбы. Как и 1-й ребенок — человек становится хранителем прошлого, как 2-й — он живет в настоящем; и как 3-й — он подготавливает

будущее. Хранитель прошлого является властелином. Ребенок настоящего является художником. Первопроходец будущего принадлежит области иррационального. Все трое необходимы для могущественного сплетения человеческого существования.

Если мы вернемся к образу храма, который мы описывали в предыдущей главе, то там мы сказали: "... то это первые дети, которые постоянно заняты тем, что закладывают фундаменты этого храма и поддерживают их. Это здание человечества основывается на работе первенцев; на том, что они терпят на Земле и переносят в переживании земных нужд. Вторые же дети образуют колонны и архитравы этого храма. Они опираются на фундаменты, которые заложили их старшие братья и сестры. Сами они стремятся вверх и держат крышу — смысловой образ неба, который над нами образует свод. А что же остается делать третьим детям? Они — кровельщики! "Между небом и землей" они исполняют свой труд и следят за тем, чтобы был сформирован купол храма. Это высокая должность быть 3-м ребенком — и очень опасная. Поэтому так много из них погибают на их пути к цели. Но что бы мы делали без кровельщиков? Без глашатаев иррационального, которые смотрят на будущее, как будто оно уже настоящее?

ЭПИЛОГ

“Хвала судьбе первых детей! Они идут путями творения. Образ Бога - Отца запечатлен на их челе.

Хвала задаче вторых детей. Они хранят и обогащают нашу жизнь; они наполняют ее радостью и красотой и помогают нам преодолеть тяжесть бытия. В их сердцах запечатлен лик Христа.

Хвала предчувствию будущего третьих детей. Они готовят для нас грядущее. Они ищут новые формы жизни. Они изводят себя на службе другим. В своих руках они несут знамение Святого Духа”.